

Военные приключения (Вече)

Юлиан Семенов

Пресс-центр

«ВЕЧЕ»

1983

Семенов Ю. С.

Пресс-центр / Ю. С. Семенов — «ВЕЧЕ», 1983 — (Военные приключения (Вече))

ISBN 978-5-4484-7886-4

В рамках популярной серии «Военные приключения» издательство «Вече» представляет произведения известного русского писателя Юлиана Семенова. Государственный переворот не обходится без жертв, и эхо автоматной очереди, оборвавшей жизнь президента молодой Республики Гаривас, разнесется по всему миру. Однако многие жертвы гигантского международного заговора так и останутся безымянными...

ISBN 978-5-4484-7886-4

© Семенов Ю. С., 1983

© ВЕЧЕ, 1983

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	24
Глава 8	29
Глава 9	30
Глава 10	32
Глава 11	33
Глава 12	37
Глава 13	39
Глава 14	40
Глава 15	43
Глава 16	45
Глава 17	49
Глава 18	52
Глава 19	59
Глава 20	60
Глава 21	64
Глава 22	66
Глава 23	72
Глава 24	73
Глава 25	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Юлиан Семенов

Пресс-центр

© Семенов Ю.С., наследники, 2008

© ООО «Издательство «Вече», 2008

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Глава 1

15.09.83 (12 часов 05 минут)

Дикторы то и дело сообщали о приземлении и вылетах; здесь, в новом Шереметьевском аэропорту, подумал Степанов, хорошие дикторы, девочки говорят без акцента; наши вообще великолепно чувствуют языки, если только не закомплексованы; как их отцы замирали, фотографируясь для Доски почета, так и в разговоре с иностранцами дети костенеют, хотя порой знают об их странах больше, чем сами иностранцы.

– Еще кофе, – попросил он буфетчицу. – И бутерброд с сыром...

– А ваш обязательный фужер шампанского на дорогу? – Женщина работала здесь давно, а Степанов летал часто.

– Врачи сахар в крови нашли. Пить можно только водку.

– Хотите?

– Черт его знает.

– Значит, не хотите.

– Хотите-то хочу, – улыбнулся он, – да вот надо ли?

Когда он уезжал из своей мастерской, дочь сказала: «Па, это плохо, когда сахар, сиди там на диете и не пей». – «Обязательно, – ответил он, – обещаю тебе, Бэмби», – хотя знал, что пить придется и никакой диеты выдержать не удастся, никакого режима, сплошная сухомятка.

Дочь решила выйти замуж; Степанов просил ее подождать; она возражала: «Игорь не может работать, па, он перестал писать, пойми, у нас скорее союз единомышленников, и потом, ты знаешь, я ведь, как мама, пока сама не пойму, что не права, не смогу никому поверить, даже тебе». – «Но это плохо, Бэмби, поэтому, наверное, у меня и не сложилось с мамой, что она верила только себе, своему настроению, своему чувству». – «Не надо об этом, па». – «Хорошо, ты права, прости... Я ведь встречался с твоим Игорем, мы с ним обедали в Доме кино... Не знаю, мне показалось, что тебе будет с ним очень трудно и все это окажется ненадолго у вас». – «Почему?» – «Потому что он – эгоцентрик и пессимист... Для него обычная человеческая радость есть проявление низменного настроения ума... Знаешь, по-моему, “я” – это худший из продуктов воображения... Парень слишком много думает о себе, так нельзя». – «Что ты предлагаешь?» – спросила дочь, и Степанов понял, что она все равно не послушается его, но тем не менее ответил: «Я предлагаю испытать друг друга».

Ему нравились выражения «бой френд» и «герл френд»; он впервые столкнулся с этим лет пятнадцать назад в Нью-Йорке в доме своего коллеги; тот познакомил его с сыном и девушкой: «Это герл френд Роберта, ее зовут Лайза». Степанову было неловко спрашивать, что это за термин «герл френд», хотя дословный перевод ясен: девушка-друг. Потом только он узнал, что в американских семьях родители перестали корить детей за связь, не освященную церковным таинством бракосочетания; пусть узнают друг друга, пусть поживут вместе, сняв себе комнату; дорого, но что поделаешь, можно подкалывать, наняться грузчиком или мойщицей посуды, зато зарабатывается *опыт*, а это великая штука – опыт, никаких иллюзий, розовых мечтаний при луне и безответственных словес о будущем счастье... Подошли друг другу, прожили год, два, три, ну что ж, заглянули в церковь, чистая формальность, да здравствует опыт, они ведь проверили себя, напутствие пастора – некая игра в торжественность, пускай...

Надя, когда узнала от дочери об этом его предложении, позвонила в мастерскую: «Это бесстыдно с твоей стороны, ты ее толкаешь в распутство, так не поступает настоящий отец!»

«Ладно, – подумал он тогда, – что ж делать, пусть я буду не настоящим отцом, и это переживем, не то переживали, но я был прав, как я был прав, когда забрал девочку из восьмого класса и отправил в училище живописи; человек должен делать то, что в нем живет и требует выхода; английская спецшкола для папенькиных детишек еще не счастье и даже не профес-

сия, культурный человек может сам выучить английский. И теперь я прав, – сказал он себе, – нельзя жить одними эмоциями, они хороши, когда садишься за машинку или берешь кисть... Это совсем не обидно, потому что это правда, когда я сказал, что нельзя жениться, пока не кончили институт: хороша себе семья, если мама готовит обед, а папа дает деньги на платье; самостоятельность любви не может существовать вне самостоятельности быта...

А что будет, – подумал он, – если я сломаюсь? И не останется сил на то, чтобы писать романы, сочинять сценарии, сидеть на репетициях пьес, вылетать на события, жарить себе свекольники, править верстку, бегать за слесарем, когда потек кран, ругаться с редакторами, помогать друзьям, торчать на художественных советах, ездить на техобслуживание, выступать на пресс-конференциях, заходить за заказом к Ирине в “Новоарбатский”, заседать на редколлегиях и привозить кости псу? Что будет, если я не смогу дальше обходиться без помощи женщины, которая возьмет часть моего бремени на себя? Как отнесется к этому моя Бэмби? Она поймет, – успокоил он себя, – да и потом, вряд ли найдется такая женщина – с моим-то характером, с моим норовом... Ну а все же если? – спросил он себя. – Ты только представь себе это. Нет, ты не уходи от вопроса, ты ответь, ведь это ответ самому себе. Ну и что? Отвечать себе, если только честно, еще труднее, чем кому-то другому... То-то и оно, лгать не хочешь, а ответить правду боишься, потому что это будет большая беда, если дочь не поймет, а наверное, не поймет, потому что жалеет Надю; несчастье, как и радость, делится поровну между родителями, которые живут поврозь; отец не имеет права на счастье, если его лишена мать... Ну а если наоборот? Если мать счастлива, а отец лишен этого? Такие дети прощают? Не хитри, – сказал он себе, – нельзя такой вопрос обращать ко всем, ты же обращал его к себе, мы все вопросы проецируем на себя, а если ты неискренен с собой самим, чего же ты хочешь от мира? Шекспир – гениальный человек, хотя Толстой его и не любил. Никто так точно не понял ужаса остаться непонятым, как Шекспир. Ведь надо же было написать такую простую фразу, которую произнес Гамлет, обращаясь к Горацио:

Но все равно. – Горацио, я гибну;
Ты жив; поведай правду обо мне
Неутоленным.

По-английски это звучит суше, а потому точнее: “Ту телл май стори”; действительно, конец всего – это молчание, беспомысленность, тишина... Горацио сказал мертвому Гамлету (дай тебе Бог написать что-либо, хоть в малости подобное):

Почил высокий дух. – Спи, милый принц.

Но именно с той поры, после того как в мире объявился Гамлет, “спокойных ночей” человечество лишилось, оно озадачено вопросом, по сей день безответным: “Быть или не быть?”»

Степанов попросил женщину:

– Все-таки, пожалуйста, дайте мне рюмку водки.

– Есть бутылка «Киевской юбилейной», очень хороша, не попробуете?

– По-моему, они теперь все одинаковые... Только и различия – с винтом или без винта.

– Нет, когда новый сорт запускают в серию, он всегда хорош, это уж потом начинают химичить, а пока «Киевская» прекрасна, это как «расскажите Хабибулину»...

– Какому Хабибулину?

– Присказка у меня такая – и с мужем удобно, и с подругами... Когда они мне гусей гонят, я им: «Расскажите Хабибулину», – и весь разговор...

Степанов улыбнулся:

– А что, действительно удобно...

«Очень удобно, – подумал он, – термин – это экономия времени... Будь проклято мое ощущение времени, оно передалось Бэмби, она торопится выразить себя и поэтому постоянно спешит, а я начинаю на нее обижаться, когда она приезжает ко мне ненадолго, и чувствую ежеминутно, что ей не терпится вернуться к себе и стать к мольберту... А вообще-то мир более просчитан на общее, нежели на частное... Если я могу скрыть обиду, то Игорь не сможет, он не готов к тому, чтобы принять ее трудную индивидуальность... Он пока еще свою индивидуальность не выделил из общего, не изводит себя ожиданием той минуты, когда станет к своему мольберту, он так нетороплив и спокоен, он так долго, подробно и нудно рассуждает... Воистину зануда – это тот человек, который на вопрос “как поживаешь?” дает развернутое объяснение... Она пообещала мне отказать ему, и я не смею ей не верить... Но ведь ее может занести, – подумал Степанов, – так уже случалось, и это были крутые времена для меня, я не знал, как поступить, и только мать и ее старые подруги влияли на Бэмби, женщина поддается женщине или же любимому, а я отец, я собственность, данность, *свое*...»

– Внимание, внимание, начинается посадка на самолет, следующий рейсом в Париж.

Атансьон, атансьон...

– Посчитайте, пожалуйста, убытки, – сказал Степанов, – по мою душу...

– Одна минуточка... Три девяносто... Спасибо... Когда вернетесь?

– Думаю, управлюсь за месяц.

– Счастливо вам, товарищ Степанов.

– Спасибо.

– А чего сейчас пишете?

Степанов перегнулся через стойку бара и тихо шепнул:

– Мне кажется, муру... Исписался...

Глава 2

15.09.83 (12 часов 05 минут)

Как и всегда, в пресс-центре на плас де Насьон в Шёнёф было шумно, многоязычно, суетливо и весело; царила атмосфера доверительности: люди, придерживавшиеся самых различных взглядов, представлявшие как правые, так и левые газеты, подсаживались друг к другу без предубежденности, обменивались – конечно же *взвешенно* – информацией; спорили, но не для того, чтобы отстаивать лишь свою правоту, а прежде всего желая послушать мнение коллеги, его доводы; пили кофе; кое-кто (это было видно по степени *измятости* лица) *подправлялся* пивом; в холлах, кафе и барах разговаривали, шутили, ссорились, подтрунивали друг над другом японцы и русские, французы и американцы, поляки и никарагуанцы, чехи и китайцы, сенегальцы и венгры; в маленьких комнатах, арендованных крупнейшими информационными агентствами и газетами, радио- и телевизионными компаниями и журналами, трещали теле-тайпы, скрежещуще выбрасывая информацию; стрекотали пишущие машинки; к этой ритмике дела быстро привыкаешь и вскорости перестаешь ощущать всю ее непреходящую сладость; только уехав отсюда, начинаешь понимать, что именно здесь прошли прекрасные часы, дни или годы твоей жизни.

Сегодня, как и всегда, журналисты, аккредитованные в пресс-центре, начинали свой день с просмотра газет и журналов, пришедших ночью; наиболее важную информацию вырезали острыми, словно хирургическими, ножницами, остальные страницы бросали в корзины; из миллионов слов, выданных компьютерной стремительностью телетайпов, ушлые газетчики отметили сердитое интервью шведского премьера Пальме, сообщение ЮПИ об авиационной катастрофе на Бермудах, краткое заявление о будущем Республики Гаривас, сделанное лидером нового правительства полковником Санчесом, свергнувшим олигархическую диктатуру, и, наконец, сообщение о закончившемся в Милане совещании, где встретились представители крупнейших концернов мира, занятых осуществлением своих проектов в развивающихся странах; фотослужба Франс Пресс распространила снимки, на которых были запечатлены в дружеском рукопожатии магнаты Барри Дигон, Леопольдо Грацио, Дэйв Ролл и Фриц Труссен; приводились выдержки из их заявлений. «Мы хорошо и дружно поработали, это была необходимая встреча», – сказал репортерам «Вашингтон пост» Дэйв Ролл; «Наши откровенные беседы еще раз подтвердили всему миру единство американско-европейской концепции экономического развития», – подчеркнул в беседе с корреспондентом «Ди вельт» Леопольдо Грацио; «Когда я обсуждал наши проблемы с моими молодыми друзьями Грацио, Роллом и Труссеном, – заявил корреспонденту Ассошиэйтед Пресс Барри Дигон, – мне пришла в голову довольно любопытная мысль: “А не пора ли тебе на свалку, старая калоша? Родилось поколение новых бизнесменов, и надо сказать себе откровенно: они умнее тебя, мобильнее и точнее”. Словом, я улетаю в Нью-Йорк с ощущением сладкой грусти, как это бывает у людей моего возраста накануне принятия кардинального решения».

Глава 3

Цель (схема)

Работа банков и корпораций, втянутых в систему многонациональных компаний, сориентированных на военный бизнес, строится – с теми или иными коррективами – следующим образом.

Руководитель концерна – особенно если концерн сделался империей – занимается вопросами глобальными, намечая (вместе с ближайшими помощниками) совмещение интересов *предприятия* с геополитической тенденцией государства.

Когда в мире возникает кризисная ситуация, руководитель обозначает линию, предлагая несколько вероятий для компромисса.

В случае если мирный исход невозможен, начинает работать *цель*.

Как это выглядит?

Заместитель руководителя – как правило, ведающий вопросами исследования конъюнктуры, – поручает особо доверенному сотруднику, связанному с научными учреждениями и университетами, запросить несколько моделей выхода из неназванной кризисной ситуации, где не обозначены ни конкуренты, ни режимы, стоящие в оппозиции устремлениям их владельцев, ни партии, выступающие с критикой их каждодневной практики. Модели поручают разрабатывать тем университетам, где на ключевых постах сидят люди, заинтересованные в победе концерна, поскольку они являются либо держателями его акций, либо в концерне работают их близкие, либо, наконец, они получают ежемесячную дотацию и незримую поддержку в личном бизнесе.

Модель – безымянная, сугубо теоретическая – никого не ставит в трудное положение; слова «устранить», «скомпрометировать», «подвести к грани экономического краха», «содействовать интервенции» прилагаются не к конкретным именам президентов, премьеров, государственных секретарей или министров обороны, нет, модель – она и есть модель, абстракция, фантазируй себе на здоровье, никаких оглядок, ведь речь идет не о конкретных людях, но о схеме, сочинение на вольную тему, как интересно!

...После того как несколько моделей получены, исследованы, просчитаны на компьютерах и доверенный сотрудник остановился на одной, с его точки зрения оптимальной, он передает свои рекомендации в незаметный тихий сектор «учета информации».

Некий сотрудник этого сектора имеет постоянный конспиративный контакт с фирмой, которая была создана на деньги, вложенные как концерном, так и *синдикатом*, то есть мафией.

Именно на стыке этого контакта фантазия профессоров из университетов и научно-исследовательских институтов на тему «устранить» обретает плоть и кровь, ибо помощник президента этой фирмы имеет, в свою очередь, такого человека, который держит на связи тех, кто дает команду террористам.

В случае если операция прошла успешно и желаемое достигнуто, но случилась утечка информации или же задуманное по каким-то причинам проваливается, то и президент, и руководитель концерна, и (с определенной натяжкой) директор ЦРУ смело смотрят в глаза телекамер, направленных на них в сенатских комиссиях: они ничего ни о чем не знали. Если выкладывают факты, то они отвечают, что не надо путать *самостоятельность* безответственных сотрудников «нижних этажей» управления, которые самовольно, без консультаций предприняли авантюрные шаги, не имеющие ничего общего с принципами, на которых строится практика администрации, наблюдательного совета, министерства обороны, правления банка или же руководства Центрального разведывательного управления.

Цепь сработала так, что руководитель гарантирован от соприкосновения со всем тем *грязным*, что может хоть в какой-то мере запятнать его престиж; задания были расфасованы по «этажам»; полная обособленность; конспирации здесь обучены не наспех, а всерьез.

...Когда к власти в Гаривасе пришел прогрессивный режим Санчеса, когда корпорации США засекали нарастающую активность в Гаривасе европейской финансово-строительной группы Леопольдо Грацио, когда был просчитан возможный убыток – в случае если реально оформится блок Санчес – Грацио, – именно в тот день и час цепь была приведена в действие.

Но не одна.

Их много, и взаимопересечение этих *цепей* кроваво и беспощадно.

Глава 4

15.09.83 (21 час 05 минут)

«Какое счастье, – подумал полковник Санчес, любясь Мари Кровс, – что революция прежде всего ломает устоявшиеся формы обращения людей в стране; нет ничего прекраснее слова “гражданин” и обращения к товарищу на “ты”; доверие, как и любовь, возможно только между равными, а равны лишь те, которые верят друг другу».

– Вы счастливы? – спросила Мари. – Прости, я все время ощущаю свою малость в этом премьерском кабинете... До сих пор не могу привыкнуть, что лидера страны здесь называют на «ты»...

Санчес улыбнулся; его улыбка была детской, открытой и такой доброй, что у Мари защемило сердце...

«Господи, как же я его люблю, – подумала она, – я никого и никогда не любила так, как его... Да, умом я понимаю его правоту, да, он верно говорит, что ему не простят, если я стану жить здесь, в Гаривасе: лидер национальной революции привез немку – у него много врагов, это сразу же обыграют, а здесь круто поступают с теми, в кого перестают верить... Он сказал, что ему нужно два года, потом он уйдет, когда сделает то, что обязан сделать... А что может случиться за эти два года? Мы рабы не только обстоятельств, но и самих себя, своих желаний, своей мечты, своей плоти, наконец... Хотим быть идеальными, но ведь это невозможно...»

– Ты спрашиваешь, счастлив ли я? – Санчес достал испанскую черную крепчайшую сигарету «Дукадо», закурил, посмотрел на плоскую коробочку диктофона, что лежал на низком столике между Мари и его помощником по связям с прессой Гутьересом, и задумчиво ответил: – Да, пожалуй, я вправе ответить – счастлив.

– Из чего складывается ва... твоё ощущение счастья?

– Из того, что я могу осуществить свои мечты на деле.

– Вам... Тебе трудно это?

– Да.

– Отчего?

– Мы пришли к власти в стране, где царствовали диктатура, коррупция, лень и произвол. Это наложило печать на весь строй психологии мышления нации, изменить его – это задача задач тех, кто взял на себя ответственность за будущее. Как изменить? Принуждением к работе? Не выйдет. Энтузиазмом? Да, возможно, на первых порах. Но решительный перелом может произойти только в том случае, если будет выработана точная экономическая модель, базирующаяся на принципе равенства, справедливой оплаты затраченного труда и, наконец, творчества... Ты читала книгу Мигеля Анхеля Астуриаса «Сеньор президент»?

– Не помню.

Санчес покачал головой, подумав: «Ты не читала, любовь моя, иначе бы ты не могла ее забыть; как же прекрасно ты засыпала с книгой, когда я оставался у тебя в Бонне, на Бетховенштрассе, в твоей маленькой комнате под крышей, чистенькой и светлой, как слово “здравствуй”, ты засыпала, словно дитя, и ладошку подкладывала под щеку, сворачивалась кошкой и сладко чмокала во сне, а я лежал и боялся пошевелиться, хотя мне надо было успеть просмотреть за ночь добрую сотню страниц, как ни осторожно я отодвигался от тебя, ты все равно ощущала это и обнимала меня, прижималась еще теснее, и я оставался подле недвижимым».

– Это замечательная книга великого гватемальца, – продолжил он. – Астуриас рассказывал о диктатуре Эстрады Кабреры, он писал, что диктатура – это страшный, ядовитый паук, который развращает, подкупает, запугивает все классы общества, люди становятся либо бездушными механизмами, либо фанатиками, либо отвратительными приспособленцами... Некоторые думают, что после диктатуры наступит новое время и все станет на свои места. К сожа-

лению, это не так. Проходят годы, а дух диктатора и его системы все живет и живет. Почему? Да потому, что диктатура разъедает общество до мозга костей...

– Когда вы намерены провести выборы? Я имею в виду демократические.

– При диктатуре, которую сверг народ во главе с армией, тоже проходили «демократические выборы»... Я против вольного обращения со словом «демократия». Я начинаю отсчет демократии с количества грамотных женщин и здоровых детей в Гаривасе... Думаю, в середине следующего года пройдут выборы, хотя главные выборы состоялись совсем недавно и они были общенародными: люди вышли на улицы, они голосовали, строя баррикады и бросая фанаты в бронетранспортеры полиции...

– Как относится администрация Белого дома к практике правительства, возглавляемого тобой, полковник Санчес?

– Мы поддерживаем нормальные дипломатические отношения с Соединенными Штатами, и у меня нет оснований, достаточных, уточнил бы я, оснований для того, чтобы обвинять северного соседа во вмешательстве.

– Но в американской прессе...

Санчес перебил:

– Я не знаю, что такое «американская пресса»... Есть пресса Северной Америки, есть пресса франкоговорящей Канады, есть газеты, выходящие в Бразилии на португальском языке, есть наша пресса – для людей, читающих по-испански.

– Прости... Я имела в виду прессу Соединенных Штатов... Там сейчас стали появляться статьи, в которых твой режим называют прокоммунистическим...

– Я за свободу печати, – отрезал Санчес. – Это их дело... Я достаточно тщательно анализировал североамериканскую прессу накануне интервенции в Гватемалу... Если тебя интересует, как готовится интервенция, почитай эти материалы – и ты поймешь, когда есть реальная опасность... Я ведь не обижу тебя, если скажу, что журналистам легче печатать тухлятину? За это, видимо, лучше платят?

– Увы, ты меня не обидел...

– Прости еще раз, но ведь это правда, не так ли?

– Это правда... Кто стоит за спиной правых экстремистов, скрывающихся в сельве на севере Гариваса?

– Я лучше скажу, из кого они рекрутируются. Убежден, что, когда мы начнем нашу экономическую реформу, когда каждый гражданин получит реальное право проявить себя в бизнесе – да, да, именно так, в бизнесе, обращенном на благо всех и соответственно вкладу каждого в это дело на свое собственное благо, – питательная среда для демагогов, рекрутирующих правозэкстремистских отщепенцев, исчезнет.

– В чем ты видишь смысл экономической реформы?

– В честной и справедливой оплате, которая бы подвигала людей на труд, на творческий труд. В честном распределении национального дохода. В привлечении иностранного капитала, достаточного для того, чтобы дать стране энергию. Ты ездила по республике и видела, что у нас практически нет механизированного труда, женщины и дети работают на солнцепеке вручную, в то время как все это же можно делать машинами...

– А чем ты займешь людей, если сможешь провести экономическую реформу, то есть от ручного труда перейдешь к машинному?

– Побережье... Наше побережье может стать таким курортно-туристским местом, равного которому мало где сыщешь...

– А после того, как вы застроите побережье?

Санчес хмыкнул.

– Что касается того времени, когда мы построим то, над чем работают сейчас архитекторы и скульпторы, это будет уже вопрос следующего десятилетия, а я прагматик, я обязан думать о

ближайшем будущем; те, кто в нашем правительстве занимается проблемами перспективного планирования, думают о далеком будущем...

– Кто работает над проектами?

– Архитекторы Испании, Югославии и Болгарии.

– А отчего не Франции и Италии?

– Опыт испанцев, болгар и югославов более демократичен – так мне, во всяком случае, представляется...

– Кто будет финансировать энергопрограмму?

– Европейские фирмы, заинтересованные в широких контактах с развивающимися странами.

– Но ведь американские фирмы ближе?

– Мы пока что не получили от них предложений... Одни слова... Тем не менее мы готовы рассмотреть любое деловое соображение с севера, если оно поступит.

– Кто в Европе проявляет особый интерес к сотрудничеству с Гаривасом?

– У нас есть довольно надежный партнер в лице Леопольдо Грацио. Впрочем, я бы просил тебя не упоминать это имя, я не до конца понимаю всю хитрость взаимосвязей китов мирового бизнеса, конкурентную борьбу и все такое прочее, так что, думаю, имя Грацио не стоит упоминать в твоём интервью. – Санчес вопросительно посмотрел на своего помощника Гутиереса. Тот кивнул. – Во всяком случае, – добавил Санчес, – до той поры, пока я не проконсультирую это дело с ним самим... А еще лучше, если это сделаешь ты, я дам тебе прямой телефон...

– Спасибо. Я непременно ему позвоню, как только вернусь в Шёнёф.

– Я дам тебе прямой телефон его секретаря фрау Дорн, которая, если ей звонят именно по этому телефону, соединяет с Грацио, где бы он ни был: в Лондоне, Палермо или Гонконге.

– Хорошо быть миллионером.

– Честным – трудно.

– А разве есть честные?

– Я считаю, да. Это люди, ставящие не на военно-промышленный комплекс, а на мирные отрасли экономики...

– Мне кажется, что коммунисты отнесутся к твоему утверждению без особой радости.

– Во-первых, я говорю то, что думаю, не оглядываясь ни на кого. Во-вторых, надо бы знать, что Ленин призывал большевиков учиться хозяйствовать у капиталистов.

– Среди членов твоего кабинета есть коммунисты?

– Насколько мне известно, нет.

– Ты говоришь: «Мы – это национальная революция». Нет ли в этой формулировке опасности поворота Гариваса к тоталитарной националистической диктатуре армии?

– Ни в коем случае. Национал-социалистская авантюра Гитлера была одной из ярчайших форм шовинизма. Его слепая ненависть к славянам, евреям, цыганам носила характер маниакальный. А наша национальная революция стоит на той позиции, что это верх бесстыдства, когда белые в Гаривасе считали себя людьми первого сорта, мулатов – второго, а к неграм относились так, как это было в Северной Америке во времена рабства – не очень, кстати говоря, далекие времена. Шовинизм основан на экономическом неравенстве, бескультурье, предрассудках и честолюбивых амбициях лидеров или же несостоявшихся художников и литераторов. В нашем правительстве бок о бок работают негры, белые и мулаты.

– Ты позволил мне задавать любые вопросы, не правда ли?

«Я всегда позволял тебе это, любовь моя, – подумал он, – а ты чаще всего задавала мне только один: „Ты любишь меня? Ну, скажи, любишь?“ А я отвечал, что не умею говорить про любовь, я просто умею любить, а ты шептала: „Женщины любят ушами...“»

– Да, я готов ответить на все твои вопросы, – сказал он, добавив: – Впрочем, я оставляю за собой право просить что-то купировать в твоём материале...

- В вашем кабинете нет разногласий?
- В нашем кабинете есть разные точки зрения, но это не значит разногласия.
- Позволь напомнить тебе строки Шекспира... Когда Кассий говорит Бруту:

... Чем Цезарь отличается от Брута?
Чем это имя громче твоего?
Их рядом напиши – твое не хуже.
Произнеси их – оба
Так же звучны.
И вес их одинаков.

Санчес пожал плечами.

– Тот не велик, кто взвешивает свое имя... Сравнить кого-либо из государственных лидеров двадцатого века с Цезарем неправомерно, ибо он был обуреваем мечтой осуществить на земле полнейшее прижизненное обожествление... Это особая психологическая категория, присущая, как мне кажется, лишь античности... Все остальное – плохое подражание оригиналу... Впрочем, меня в Цезаре привлекает одна черта: больной лысый старик, он не боялся смерти; этот страх казался ему неестественным, противным высоте духа... Словом, Брутом в наш прагматический век быть невыгодно; в памяти поколений все равно останется Цезарь, а не его неблагодарный сын...¹

– Брут был республиканцем, полковник Санчес... Он чтит римлянина Цезаря, но Рим был для него дорожее...

«Женщина всегда остается женщиной, особенно если любит, – подумал Санчес. – Она относится к любимому только как к любимому, в ее сознании не укладывается, что мои слова сейчас обращены не к ней одной, а ко многим, а ведь как же много среди этих многих врагов... А для матери Цезарь был и вовсе хворым мальчиком, а не великим владыкой умов и регионов...»

– Если говорить об объективной – в ту пору – необходимости монархизма, о трагедии Брута, который поднял руку на личность, а она беспредельна, то я должен буду отметить, что он выступил не против своего отца императора Цезаря, но за свободу республики... Ведь не во имя тщеславия Брут поднял нож...

– Ты его оправдываешь? – спросила Мари Кровс.

– Я размышляю, а всякое размышление складывается из тезы и антитезы.

– Это термины Маркса.

– Взятые им у Гегеля, а тот в коммунистической партии не состоял, – улыбнулся Санчес.

– Что ты считаешь главным событием, побудившим тебя вступить в ряды заговорщиков?

– Я никогда не примыкал к заговорщикам... Видишь ли, мне кажется, что заговор обычно рожден посылом честолюбия, в нем нет социальной подоплеки... Несправедливость в Гаривасе была вопиющей, несколько человек подавляли миллионы... К людям относились, как к скоту... Знаешь, наверное, впервые я понял свою вину перед народом, когда отец подарил мне машину в день семнадцатилетия и я поехал на ней через сельву на ранчо моего школьного друга. Его отец был доктором с хорошей практикой, лечил детей диктатора... И мы с моим другом в щегольских костюмчиках поехали в школу, а учитель Пако сказал тогда: «Мальчики, я вас ни в чем не виню, только запомните, тот, кто пирует во время чумы, тоже обречен». Мы тогда посмеялись над словами Пако, но вскорости арестовали отца моего друга из-за того, что внук диктатора умер от энцефалита, и мои родители запретили мне встречаться с сыном

---

¹ Существует версия, по которой Брут был внебрачным сыном Цезаря. Упоминания об этом предположении есть в книге Плутарха «Избранные биографии» и в примечаниях к книге Гая Светония Транквилла «Жизнь двенадцати цезарей».

отверженного... А я испанец, со мной можно делать все, что угодно, но нельзя унижать гордость кабальеро... Словом, я ушел из дома, и приютил меня учитель Пако, а жил он в бидонвилле с тремя детьми и больной теткой... Безысходность, всеобщая задавленность, в недрах которой все ярче разгорались угольки гнева, – вот что привело меня в нашу революцию...

Гутиерес посмотрел на часы, стоявшие на большом камине.

– Полковник, в три часа назначена встреча с министрами социального обеспечения и здравоохранения...

– Я помню, – ответил Санчес. – Увы, я помню, – повторил он и поднялся. – Мари, я отвезу тебя на аэродром, и по дороге ты задашь мне те вопросы, которые не успела задать сейчас, о'кей?

Он пригласил Мари в гоночную «Альфа Ромео», сказал начальнику охраны, что испанцы, потомки конкистадоров, не могут отказать себе в праве лично отвезти прекрасную Дульсинею в аэропорт, посадил Мари рядом, попросил ее пристегнуться и резко взял с места.

– Слава богу, мы одни, девочка, – сказал он.

– Мы не одни, – сказала она, – за нами едет машина с твоими людьми.

– Но мы тем не менее одни... И послушай, что я сейчас скажу... Если ты сумеешь, вернувшись, опубликовать – помимо этого интервью, в котором, мне кажется, я выглядел полным дурнем, – несколько статей о том, как сложна у нас ситуация и никто не в состоянии сказать, что случится завтра, если ты, лично ты, без ссылки на меня, сможешь напечатать репортаж про то, что нас хотят задушить, ты сделаешь очень доброе дело...

– Тебе так трудно, родной...

– Да уж, – ответил он, – нелегко. Но я обязан молчать... Понимаешь?

– Нет.

– Поймешь.

– Мне ждать, Мигель?

– Да.

– Может, ты позволишь мне приехать сюда? У меня так тяжело на сердце там... Я аккредитуюсь при твоём Управлении печати...

– Нет.

– Почему?

– Потому что я не смогу видеть тебя – и это будет рвать нам сердца, а если мы станем видеться, мне этого не простят, я же говорил. Уйти сейчас из-за тебя, точнее, из-за того, что я тебя люблю, это значит дезертировать... Помнишь рассказ русского про старого казака и его сына, который влюбился в полячку? Это сочли изменой.

– Он изменил из-за любви.

– У нас мою любовь тоже назовут изменой... Я очень верю в тебя, Мари, я верю в себя, но я знаю наших людей... Тут царит ненависть к тем, кто говорит не по-испански... Считают, что это янки... Погоди, у нас прекрасный урожай какао, мы получим много денег, сюда приедет масса инженеров и механиков из Европы... Тогда приедешь и ты... А сейчас мы будем слишком на виду, нельзя, мое рыжее счастье...

– Я не очень-то ревнива, но мне горько думать, что кто-то может быть с тобой рядом...

– Я встаю в шесть и засыпаю в час ночи... – Он улыбнулся. – Да я даже и не вижу женщин... У меня есть хорошая знакомая, но она любит моего друга, и мне она как сестра, а когда мне совсем уже безнадежно без тебя, я еду к ним и там ложусь спать, а они устраиваются в разных комнатах, чтобы не дразнить меня...

– Кто бы мог подумать, что революционный премьер Гариваса ведет жизнь монаха...

– Ты не веришь мне?

– Я люблю тебя...

– Это я люблю тебя.

– Скажи еще раз.

– Я тебя люблю.

– У меня даже мурашки пробегают по коже, когда ты это говоришь... Нельзя как-нибудь оторваться от твоих телохранителей?

– В сельве нет дорог, а если мы с тобой станем любить друг друга на шоссе, соберется слишком много водителей, – он засмеялся. – А вот я верю тебе, Мари. До конца. Во всем.

– Можно мне иногда звонить тебе и задавать дурацкие вопросы о твоей энергопрограмме?

– Не называй мою мечту дурацкой.

– Дурацкими я назвала свои вопросы...

– Никогда так не говори ни про себя, ни про свои вопросы.

– Не буду. А сколько еще ехать? Ты не можешь сбавить скорость?

– Могу, только они окажутся тогда совсем рядом.

– Лучше б мне и не приезжать к тебе... Я никогда не думала раньше, что ты такой...

– Какой?

– Гранитный...

– Не обижай меня... Просто сейчас особый момент, понимаешь?

– Нет, не понимаю, ты же не объяснил мне...

– Сейчас, в эти дни, решается очень многое... Я не вправе говорить тебе всего, но ты настройся на меня, Мари, почувствуй меня. Ты думаешь, я не знаю, сколько у меня недругов, завистников, открытых врагов? Ты думаешь, я не знаю, как будут счастливы многие, если мой проект провалится? Да, ты верно чувствуешь, что Грацио – ключевая фигура этих дней, но не один он, тут и Дэйв Ролл, и Морган, и Барри Дигон, но ты забудь про это, я и так сказал тебе слишком много, не надо бы мне, нельзя посвящать женщину в мужские дела, это безжалостно...

– Мигель, а помнишь, что я сказала тебе, когда ты впервые у меня остался?

– Помню. Я помню каждую нашу минуту... Помню, как просто и прекрасно ты спросила меня...

И вдруг, как в хорошем детективном фильме, из переулка на дорогу выскочили двое парней. Лица их были бледны до синевы; они встали, нелепо раскорячившись, вскинули к животам короткоствольные «шмайсеры»; Санчес быстро вывернул руль, успел резко и больно пригнуть голову Мари, снова крутанул руль, услышал автоматную дробь за спиной – это, высунувшись из «Шевроле», по террористам палили охранники, – нажал до упора на акселератор и понесся по середине улицы к выезду из города...

Когда Санчес вернулся во дворец, там шло экстренное заседание кабинета; о покушении докладывал начальник управления безопасности; заговор правых ультра; министр обороны майор Лопес внес предложение, чтобы отныне в машине премьера всегда ездил начальник охраны, а сопровождали премьера две машины с офицерами из соединений «красных берегов» – самые тренированные соединения республиканской армии; несмотря на то что Санчес голосовал против, а начальник генерального штаба Диас воздержался, предложение Лопеса было принято большинством голосов.

Глава 5

Что такое цепь? (иллюстрация № 1)

«БНД², Путах; 24/176 – Л

Строго конфиденциально

Сектор исследования информации

Гамбургская журналистка Мари Кровс (досье 6-ад-52), аккредитованная при Европейском пресс-центре, дважды на протяжении последних одиннадцати месяцев выступила с материалами, заслуживающими оперативного изучения.

1) 12.02.83 она опубликовала в “Блице” сообщение из Женевы о том, что лидером правых экстремистов, действующих с территории Сальвадора против Никарагуа, является Хорхе Аурелио, агент ЦРУ по кличке Нортон, состоящий на связи с Джозефом.

По сообщению, полученному от наших коллег из Лэнгли, Нортон действительно состоит на связи с Джозефом, который работает в Сальвадоре под “крышей” советника национальных компаний, занятых производством сои, бобов какао и бананов.

Следовательно, по мнению наших американских коллег, либо существует утечка совершенно секретной информации из штаб-квартиры ЦРУ, что может принести непоправимый ущерб интересам не только США, но и всего западного сообщества, либо утечка информации постоянно происходит в Сальвадоре.

Поскольку никто из журналистов не сообщал в свои газеты об упоминавшемся выше факте, затрагивающем интересы наших американских коллег, отдел “У-ф-14” ЦРУ просит предпринять возможные шаги для того, чтобы установить канал, по которому упомянутая информация пришла к Мари Кровс.

2) 27.03.83 именно Мари Кровс напечатала в леворадикальной газете “Войс” статью под заголовком “Без пяти двенадцать”. В этом материале М. Кровс писала, что часы “кровавой диктатуры в Гаривасе” сочтены, силы национального обновления не намерены терпеть далее “тиранию, коррупцию и предательство национальных интересов”, что “видимо, падение нынешнего прогнившего продажного режима есть вопрос не месяцев и недель, но дней, а возможно, и часов”.

Через сорок два часа в Гаривасе власть взяли “революционные офицеры” во главе с полковником Санчесом.

ЦРУ просит установить наблюдение за Мари Кровс с целью выяснить возможность ее контактов с секретными службами Москвы или Гаваны.

П. Либерт».

Заместитель директора БНД посмотрел на шефа сектора изучения информации, улыбнулся и спросил:

– Ну а если допустить возможность такого рода: Мари Кровс – просто-напросто талантливая журналистка? А талантливость предусматривает элемент предвидения. Я как-то читал информацию из Бонна, записали беседу одного из наших оппозиционеров с русским писателем Степановым; тот великолепно сказал: «Я ощущаю грядущее ладонями; локаторность человека еще не понята, и к исследованию этого качества, присущего не какой-то элите, а всем живущим на земле, наука даже не подошла...»

---

² Контрразведка ФРГ.

– Тогда надо бы порекомендовать Мари Кровс, – так же добродушно ответил шеф сектора, – поменять ее имя на «Кассандра».

– Это уже было... В сороковых годах парижская журналистка Женевьева Табуи выпустила книгу «Они называли ее Кассандрой».

– Чисто французская скромность...

– Я бы уточнил: чисто женская скромность... Давайте будем стараться любить нашего юго-западного соседа, несмотря на весь его шовинизм и врожденную ветреность... Ваши предложения?

– Установить наблюдение за Кровс и дать указания нашей швейцарской резидентуре проследить все ее контакты.

– Настоящая фамилия Кровс также любопытна. Ее отец – Пикс, из концерна ярого консерватора Бельсмана, – сказал заместитель директора.

Шеф сектора «изучения» оценил осведомленность своего руководителя, поэтому позволил себе восхититься, во-первых, но и показать свою компетентность, во-вторых:

– Ах вот как?! Это тот Пикс, который живет в Париже с массажисткой мадемуазель Гала и пишет обзоры под фамилией Вернье?

– Именно так, и я поздравляю вас с исключительным профессионализмом памяти... Нет, я бы не торопился с началом такого рода работы по Кровс... Я бы рекомендовал начать с цепи. Попробуйте обратиться к этой самой всевидящей Кровс в нашу... ну если не приятельницу, то хотя бы в... невольный источник информации...

Через пятнадцать минут из Пуллаха, что под Мюнхеном, ушли шифротелеграммы в женеvскую и бернскую резидентуры БНД.

Через три часа советник по прессе созвонился с руководителем адвокатской конторы «Розен унд Шульц» господином Брюкнером, тот специализировался по делам, связанным с издательствами и редакциями.

Через пять часов девять минут господин Брюкнер увиделся с хозяйкой фирмы «Розен унд Шульц» фрау Розен.

Через семь часов фрау Розен договорилась о встрече с редактором журнала «Фрайе трибуне» Гербертом Доле.

Через девять часов двенадцать минут секретарь господина Доле нашла Мари Кровс по домашнему телефону и пригласила ее посетить редактора завтра, семнадцатого сентября, в девять утра.

– Я заканчиваю срочный материал, – ответила Мари, – только что вернулась из Латинской Америки. Может, вы будете любезны назначить мне время на послезавтра?

– К сожалению, дорогая фрейлейн Кровс, послезавтра босс улетает на Канарские острова... А он хотел бы предложить кое-что до того, как улетит...

– Хорошо, спасибо, я приду.

Доле поднялся из-за резного, восемнадцатого века стола карельской березы, дружески протянул руку, пошел навстречу Мари, не скрывая восхищения, оглядел ее, не выпуская длинной тонкой руки женщины из своей сухой и горячей, проводил к креслу, спросил, что будет пить его зеленоглазая гостья, достал из холодильника, вмонтированного в стеллажи, бутылку виши, лед, орешки и сразу же приступил к делу.

– Когда-то я тоже писал, – сказал он. – Будь проклята моя нынешняя профессия, но ведь кто-то должен быть бюрократам... Кто-то должен кромсать ваши материалы, быть коз-

лом отпущения в скандалах с правительственными остолопами, выбивать у хозяев побольше средств на оплату наиболее талантливых материалов, улаживать споры с бастующими наборщиками...

– Очень хочется вернуться к пишущей машинке? – спросила Мари. – Или кресло окончательно засосало?

Доле горестно усмехнулся.

– Именно поэтому у меня не кресло, я сижу на вращающемся секретарском стуле, и все меня упрекают за эклектику; век восемнадцатый и нынешний несовместимы, говорят люди.

– Все совместимо, – убежденно ответила Мари. – А дальше все будет еще более совместимо, поскольку химия подарила миру гуттаперчу и люди спроецировали это прекрасное синтетическое качество на врожденное – совесть...

Лицо Доле на мгновение замерло, а глаза по-кошачьи сузились, но так было лишь какую-то долю секунды – он владел *мускулатурой*, не только глазами.

– Ваше заключение – хороший повод перейти к деловой части разговора, фрейлейн Кровс... Вы, полагаю, знаете про мой журнал и, думаю, не обращаете внимания на те небывалые, которые распускают обо мне...

– Обо всех говорят разное.

– Именно... Так вот, я внимательно присматривался к вашим публикациям, меня особенно заинтересовали материалы о сальвадорских дядюшках из американского секретного ведомства, которые вроде бы растят бананы, и ваше предчувствие переворота в Гаривасе... Не хотели бы поработать на меня?

– Вы согласны печатать все, что я стану писать?

– Ну, если что-либо и помешает мне это сделать, вы получите сполна, по высшему разряду, все, что хотите получить за свой материал; фикс я готов оговорить заранее.

– Заманчиво... Конечно, согласна... Но я не очень понимаю, чем вызвано столь лестное предложение, господин Доле?

– Все очень просто... Вы угадали дважды... Вы угадали в угоду левым, а я правым... Но ведь меня покупают и левые, и правые, а самое главное – болото, оно-то и дает прибыль... В конечном счете крайне левый Маркузе всю войну работал в сугубо правом Центральном разведывательном управлении... Я коммерческий редактор, и мне не важно, на ком я подниму тираж... Вы же не агитируете за то, чтобы нами стали править коммунисты? Нет. Вы угадываете? Да. Вас читают? Бесспорно. Вы имеете все шансы стать звездой? Да. Меня это устраивает... Что за срочный материал вы вчера заканчивали?

– Интервью с полковником Санчесом.

– Ого! Но ведь, насколько я знаю, он никому не дает интервью.

– Мне дал.

– Где это интервью?

– Здесь. – Она кивнула на свою сумку. – Только не перепечатано.

– У меня прекрасная стенографистка фрейлейн Жоссе. Продиктуйте ей, я сразу прочитаю и пушу в набор... Думаю, три тысячи франков вас устроят?

– И вы согласны оплатить стоимость авиационного билета?

– Бесспорно, но тогда я уплачу вам две тысячи франков, и это будет справедливо.

– О'кей... Я ставлю, правда, одно условие, господин Доле...

– Вы само очарование, я готов пойти вам навстречу во всем, но, увы, не умею подчиняться условиям... Предложение – пожалуйста...

– Я отдам интервью с Санчесом только в том случае, если вы напечатаете и мой комментарий. Я в чем-то не согласна с полковником и пишу об этом со всей определенностью...

– Диктуйте комментарий моей фрейлейн Жоссе, я посмотрю.

Через два часа Доле пригласил к себе Мари.

– Интервью блистательно, вы побьете мадам Фалачи, верьте нюху коммерсанта от журналистики. Я ставлю материал в номер. Ваш комментарий о том, что в Гаривасе грядут тревожные события, я поставлю через номер, после того как появятся отклики на интервью.

– Отклики появятся, я вам это обещаю. Мне хочется увидеть комментарий, не дожидаясь откликов...

– Фрейлейн Кровс, – сказал Доле, и улыбка на его лице исчезла, словно ее и не было, – я сказал вам лишь то, что считал нужным сказать. Решайте. Все на ваше усмотрение...

Через сорок минут комментарий Мари Кровс вместе с интервью был ксерокопирован и отправлен фрау Розен.

Через час пятнадцать материал оказался в конторе господина Брюкнера.

Через семь часов копия документов была вручена в Мюнхене представителю ЦРУ заместителем директора БНД.

Назавтра – по той же цепи – редактору Доле было предложено оплатить издержки за неопубликование комментария Мари Кровс о том, что «в Гаривасе взрывоопасная ситуация» и что «если лидеры революции не называют имен тех, кто намерен свергнуть Санчеса, то не потому, что не могут или не хотят этого сделать, а лишь в связи с тем, что ждут нужного времени – удобного и целесообразного для такого рода заявления».

«Активность групп, породненных с концерном Дигона, – заключала Кровс, – не может не быть связана с надеждой на то, что в Гаривасе к власти придут новые люди, более “покладистые” и “трезво” оценивающие традиционную роль северного соседа и его государственные, а также и деловые интересы. Один из молодых майоров сказал мне в заключение беседы: “Продержавшись пару месяцев, мы надолго сохраним власть; в противном случае нас ждет катастрофа”».

Мари Кровс обратилась в те редакции, с которыми ранее поддерживала устойчивые контакты, но ее разговоры теперь фиксировались; рычаги давления на редакторов были найдены заранее.

Ей ничего не оставалось, как метаться в поисках той газеты или журнала, которые могли бы напечатать то, что она обещала Мигелю Санчесу.

Глава 6

11.10.83 (18 часов 23 минуты)

Дон Валлоне теперь день делил на три равные части; перед завтраком он час плавал в бассейне, потом, выпив кофе, изучал телексы, поступавшие из его контор в Палермо, Риме, Милане, Вене, Марселе, Никозии, Хайфе, Каире, Гонконге, Далласе и Майами, отправлял указания, диктуя их своему стенографисту в присутствии адвоката Доменико Ферручи; без консультации с Ферручи он не предпринимал ни одного шага; затем просматривал отклики мировой прессы на новинки кино, сам, не доверяя никому, подбирал досье на ведущих актеров; изучал данные, поступившие с бирж; прежде всего интересовался «скачками» цен на серебро – исходный материал в производстве киноплёнки; после этого анализировал сообщения из Южной Америки – там его интересовала земля, он носился с проектом создания своего «Лас-Вегаса»; генерал Стреснер, «пожизненный президент» Парагвая, был на связи; старый диктатор понимал, что пополнить казну фашистского режима без привлечения иностранных туристов невозможно, необходима индустрия; впрочем, дон Валлоне как-то заметил адвокату Ферручи, что «Стреснер слишком одиозен, лучше бы завязать хорошие связи с Уругваем, там вроде достигнута стабильность»; после этого он спускался на второй этаж обедать, как правило, вместе с Ферручи; порой приглашали продюсера Чезаре – из неизвестного администратора, работавшего на съемках, он вырос – с подачи дон Валлоне – в крупнейшего европейского кинобосса, имел двадцать четыре прекрасных кинотеатра в Милане, Неаполе, Риме, Париже, Токио и Нью-Йорке, финансировал талантливую молодежь, понимавшую толк в бизнесе и киноделе (главный закон мафии – преемственность, ставка на тех, кого вытащил из дерьма, те не предадут); раза два в месяц приезжал личный духовник дон Валлоне, при нем не подавали ни мяса, ни вина; его визиты падали на понедельник, именно этот день у дон Валлоне был разгрузочным, он ел яблоки и пил соки, ничего больше.

После часового отдыха возле бассейна дон Валлоне выходил на яхте в море; радиостанция была оборудована по последнему слову техники, связь со всем миром отлажена, шифр надежен.

Здесь он получал секретную информацию, поддерживая контакт с людьми, которые непосредственно связаны с агентурой Центрального разведывательного управления. Со службой анализа и исследования банков Кун Леба и Дэйва Ролла, то есть с подразделениями, проводившими работу, сходную с каждодневной практикой ЦРУ, но сориентированную на политиков лишь в той мере, в какой они могли помогать или мешать бизнесу, дон Валлоне вел переписку лично, не доверяя своих тайн никому; после радиопередачи тексты немедленно сжигались, память у него была феноменальная.

На яхте он работал до семи часов, потом в море спускали канатную лестницу, он еще раз купался, как и предписал его личный врач Джузеппе Исидоро, до тяжелой усталости: единственное средство против болезни века – остеохондроза; затем ему приносили средиземноморские фрукты – лучшая гарантия легкого получасового сна, а уж потом он возвращался в Ниццу, смотрел с внуками фильмы, которые лично выбирал, чтобы не было кадров с обнаженными женщинами и тому подобной мерзости, играл партию в шахматы с адвокатом Ферручи; очень не любил проигрывать, Ферручи это знал, но тем не менее никогда не поддавался патрону; шел в спальню к своему любимцу, самому младшему внуку Луиджи, садился на краешек его кровати и рассказывал сказку на ночь. Чаще всего он сочинял сказки на ходу, хотя Луиджи больше всего любил историю про Чипполино, только чтобы не было страшно.

Дон Валлоне гладил мальчика по мягким шелковым волосам, и столько в его голосе было нежности, любви к малышу, что тот засыпал очень быстро, ухватив деда ручонками за большой палец...

В полночь дон Валлоне отправлялся в свою часовенку, преклонял колени перед иконой, молился и уходил в спальню; после того как три года назад умерла жена, он не был близок ни с одной женщиной; когда же узнал, что средний сын, Гвидо, отец Луиджи, постоянно изменяет жене, а недавно купил квартиру какой-то балерине, он лишил его права жить в своих замках.

– Ты живешь в семье, а не в борделе, – сказал дон Валлоне, – ты – член моей семьи, а я свято берегу нашу честь. И до тех пор пока ты не расстанешься со своей паршивой шлюхой, сына ты не увидишь. Ступай вон и подумай над моими словами...

Однако сегодня дон Валлоне был вынужден нарушить свой распорядок; выйдя в море, он получил три радиogramмы по своему личному шифру, прочитал их и, поднявшись на мостик, сказал капитану:

– Эмилио, пожалуйста, срочно в Ниццу.

В порту его ждал огромный «Крайслер», одна из самых заметных машин в городе; шофер медленно провез дону Валлоне по набережной; седоголовый старец открыл окно, улыбаясь, любовался редкими уже отдыхающими, лежавшими на песчаном пляже; в сентябре негде было повернуться, даже начало октября выдалось знойное, а потом, в ночь на восьмое, заштормило, ударил косой дождь, и природа за какую-то ночь изменилась, пришло ощущение осени; ржавая листва каштанов устилала дороги, они казались золотистыми, ходить по ржавым листьям было до боли в сердце грустно, словно бы топчешь ушедшее счастье.

Когда шофер медленно свернул с набережной, лицо дону Валлоне в одно мгновение изменилось, стало жестким, морщинистым.

– Резво, – сказал он.

Шофер нажал на газ, машина рванулась, словно кто-то перерезал невидимые канаты, ее державшие, проскочила под желтый свет, скрипуче повернула в маленький переулок, затормозила у магазина; дон Валлоне быстро, не по годам легко выскочил, вбежал в магазин, прошел его насквозь, вышел на параллельную улицу, *проверился*, стремительно оглянувшись, толкнул дверь бара, кивнул хозяину, который вытирал стойку, и быстро спустился по крутым ступенькам вниз, к телефонным кабинам.

В кармане, как всегда, были припасены мелкие монеты.

Первый звонок дону Валлоне был в Берн.

– Здравствуйте, – сказал он глухо, изменив голос, услышав брата, – это я, Витторе. Мой племянник сегодня прибыл. Проследите за тем, чтобы он хорошо отдохнул. У него завтра хлопотный день.

– Я постараюсь, – ответил дон Аурелио, поняв то, что ему надлежало понять, и положил трубку.

Второй звонок в Вашингтон.

– Алло, это я, все будет в порядке, только пусть позаботятся, чтобы лакеи как следует посмотрели за костюмами для завтрашней гала-партии.

– Постараемся, – ответил первый заместитель директора ЦРУ Майкл Вэлш. – Лакеи вполне квалифицированные.

Разговор закодирован, голос изменен, однако каждое слово имеет свой смысл, расшифровать невозможно.

Потом дон Валлоне позвонил в Нью-Йорк, сказав лишь одно слово:

– Скандальте!

Глава 7

11.10.83 (18 часов 55 минут)

Полковник Санчес понял, что сидеть за столом нет больше смысла: переизбыток информации – он приехал во дворец в восемь утра, прочитал шифротелеграммы, переданные из МИДа, министерства общественной безопасности и генерального штаба; внимательно изучил статьи, опубликованные мировой прессой в связи с его проектом экономической модернизации; провел совещание с директором энергетического проекта Хорхе Кристобалем, с управляющим Банком развития Веласко и министром энергетики и планирования Энрике Прадо; внес коррективы в речь, подготовленную для него аппаратом по случаю открытия библиотеки иностранной литературы; обсудил текущие дела с министром обороны Лопесом; принял посла Испании – беседа носила отнюдь не протокольный характер, Санчес дал понять, что Гаривас заинтересован в тесном экономическом сотрудничестве с Мадридом и готов, как это предлагает Леопольдо Грацио, самым серьезным образом учесть интересы тех банков за Пиренеями, которые решат включиться в решение экономической программы Гариваса.

Санчес посмотрел на часы, поднялся из-за стола, вышел в секретариат, сказал дежурному, что уезжает минут на сорок в «Клуб де Пескадорес» сгонять партию на бильярде – единственная теперь возможность собраться перед работой ночью, до трех утра (ездить к Эухенио и Кармен под блицы фоторепортеров, которые постоянно караулят ее, нельзя – в правой прессе сразу же появятся статьи о «распутстве одного из полковников, взявшего себе в любовницы прима-балерину Гариваса»; а откуда им знать, что Кармен никакая не любовница, а верный дружочек, как и ее Эухенио, что самый любимый человек, Мари Кровс, далеко и никогда – во всяком случае, пока он сидит во дворце – сюда не прилетит; им не суждено быть вместе, ему не простят иностранку, таков характер его народа, слишком уж натерпелся от них: обжегшись на молоке, дует на воду; националистическая слепота исчезнет лишь тогда, когда люди будут иметь равные права на свободу и достаток, иначе, декретом, национализм не изжить).

Начальник охраны майор Эмилио Карденас поинтересовался, на каком автомобиле поедет премьер; он знал, что Санчес никому не отдаст руль машины, это его страсть. С трудом по решению правительства, под нажимом майора Лопеса после покушения полковник согласился, чтобы теперь его повсюду сопровождали две машины с вооруженными до зубов офицерами из соединений «красных беретов», находящихся под командованием министра обороны.

– Слушай, майор, давай поедем на «Альфа Ромео», но не бери ты этих молодцов, право же! Если меня захотят кокнуть, то кокнут.

Карденас пожал плечами.

– Меня эти головорезы раздражают не меньше, чем тебя, полковник... Добейся отмены решения правительства...

Санчес и Карденас заканчивали одну школу, их связывала юношеская дружба; вместе примкнули к Движению патриотических офицеров за прогресс родины; вместе вышли под пули диктатора, когда чаша терпения народа переполнилась; Карденас восторженно любил Санчеса с той еще поры, когда ходили в бойскаутские походы; это и решило его судьбу – после победы именно Карденаса назначили возглавлять охрану правительства; потом, впрочем, майор Лопес вошел с предложением доверить ему охрану одного лишь премьера.

«В конечном счете, – доказывал он членам кабинета, собравшимся на экстренное заседание после того, как правые террористы предприняли попытку взорвать центральный телеграф, – судьба страны всегда зависит от судьбы лидера, поэтому, полагаю, армия вместе с силами безопасности сможет обеспечить охрану членов кабинета, а вот охрану полковника Санчеса я предлагаю поручить Карденасу, и все мы знаем, отчего я называю именно это имя».

Санчес тогда укоризненно посмотрел на полковника Диаса, передвинутого на пост начальника генерального штаба вопреки воле Лопеса; на этом настоял министр общественной безопасности Пепе Аурелио; он, как и Диас, не верил Лопесу; полковника Санчеса это раздражало: «Нельзя поддаваться ощущениям; Вест-Пойнт ни о чем еще не говорит! Хуан Мануэль (так звали министра финансов) получил образование в Бонне, нельзя же из-за этого подозревать его в тайных связях с Геншером или Штраусом!» Шеф общественной безопасности, искренне преданный Санчесу, вынужден был пойти на маневр: «Диас нужен рядом с майором Лопесом для того, чтобы нашим ведомствам было легче координировать работу по защите родины; Диас имеет опыт штабной школы, он и в моем министерстве просидел три месяца на закордонной разведке; ситуация такова, что с Лопесом должен быть человек-координатор, у меня нет никаких претензий к майору, видимо, я неловко пошутил».

Санчес досадливо заметил: «Вопрос не в неумелой шутке, Пепе, а в том, что ты действительно не любишь Лопеса... Это твое право, но надо уметь скрывать свои симпатии и антипатии во имя общего дела, которое невозможно без единства... И потом, не сердись, Пепе, шизофрения начинается с бестактности... Я порой восторгаюсь выдержкой майора Лопеса, когда ты – не называя конечно же по имени – обвиняешь его во всех смертных грехах...»

Шеф общественной безопасности долго с горестным недоумением смотрел на Санчеса, словно бы заново оценивая раннюю седину, что так контрастировала с молодыми глазами и губами, в которых угадывалась недавняя юность (Санчесу только что исполнилось двадцать девять лет), а потом, поднявшись, сказал: «Хорошо, полковник, я обещаю тебе посетить психиатра, и если доктор скажет, что я шизофреник, то завтра же попрошу об отставке». Он хотел было добавить, что, перед тем как уйти в отставку, передаст ему, Санчесу, неподтвержденные, правда, агентурные данные о том, что Лопес проявляет весьма подозрительную активность в тех округах, где наиболее мощные плантации какао-бобов, и что он дважды встречался с личностями, которые находятся под подозрением по поводу тайных контактов с «дипломатами» из американского посольства.

Он, однако, не знал и не мог знать, что у Санчеса есть более тревожные сведения об активности Лопеса, полученные от Леопольдо Грацио. Как человек талантливый и честный, Санчес требовал неопровержимых улик; он вполне допускал возможность провокации со стороны его противников – нет ничего проще погубить прогрессивное движение, как посеять семена вражды между теми, кто составляет костяк руководства.

Воистину справедливо сказано было: всякое царство, разделенное внутренней враждой, обращается в пустыню и дом на дом падает.

Стратегический план Санчеса строился на факторе времени: как только соглашение об энергопрограмме будет подписано, как только страна получит заем, то есть реальные деньги, главная опора, на которой держались правые, спекулируя на экономических трудностях, будет выбита у них из-под ног. Санчес, впрочем, никогда не думал, что *тягучка*, связанная с получением займа, столь изматывающая; Грацио, однако, говорит, что это в порядке вещей, эксперты банков перепроверяют через свои разведслужбы надежность режима, платежеспособность гаривасской валюты, компетентность министерств финансов и экономики. А что делать? Вкладывают ведь не что-нибудь, но золото, дьяволов металл.

Санчес верил Грацио; он конечно же отдавал себе отчет в том, что этот человек лелеет честолюбивую мечту сделаться отцом нации, отеснить американцев, доказать всем в «третьем мире» выгоду «европейской ставки»; пусть себе, дадим ему лавры «отца нации», только бы сделал дело. Однако чем дальше, тем больше Санчесу казалось, что Грацио несколько *утерял* реальную перспективу, поскольку был человеком могучим, жил собой, своим миром и не очень-то *оглядывался*. Санчес в аккуратной форме сказал ему об этом, Грацио рассмеялся: «Моя мама всегда жалела меня и говорила, что я бездумно трачу деньги, верю не тем людям и люблю не тех женщин... Но ведь я жив, и дела мои идут неплохо, и женщины пока еще не

жалуются на меня, и друзья рядом, хотя кое-кто порой продает по мелочи, я смотрю на это сквозь пальцы».

...Санчес жил сейчас особой жизнью: он тревожно ощущал каждую минуту, понимая, что реализовать себя, то есть свою мечту, он может лишь во времени. А время – оно никому из смертных не подвластно.

...В машине, пристегнув ремень безопасности, Санчес с усмешкой посмотрел на Карденаса, который передвинул «маузер» на колени:

– Дружище, неужели ты вправду считаешь, что твоя штука может гарантировать нам жизнь, если кто-то хочет ее у нас отнять?

– Конечно, нет, – ответил Карденас. – Мы все живем в мире приспособлений, как артисты. Тем не менее так мне спокойнее, хотя я понимаю, что никакой «маузер» не спасет, если из-за угла снова выскочат два негодяя со «шмайссерами».

...В клубе полковник Санчес обычно играл несколько партий со стариком Рамиресом, маркером, работавшим здесь полвека. Рука у старика тряслась, он с трудом двигался вокруг огромного стола, но в момент удара лицо его было словно вырубленным из мрамора, морщины расходились, глаз *беснел*, а рука становилась собранной, никакой дрожи. Он давал Санчесу фору, научив его диковинной польско-русской игре в пирамиду. В молодости, семнадцатилетним палубным матросом, Рамирес ходил на кораблях в Европу, крепко перепил в Петербурге, отстал от экипажа и год прожил в северной столице, помирая от промозглого холода; спас его трактирщик Влас Егорович Сырников, оставил посудомоем и одновременно учителем испанского языка для своих сыновей. Те однажды привели Рамиреса в бильярдный зал, дали кий в руки, и, на удивление всем, матрос начал класть такие шары, что все только диву давались. Здесь молодой испанец заработал на приличную одежду, выучился объясняться по-русски, поднакопил денег, нанялся на американский корабль и вернулся за океан, сначала в Нью-Йорк, а оттуда уже в Гаривас.

Было старику сейчас восемьдесят девять, однако именно к нему сюда приезжали учиться удару и стратегии игры не только со всего Гариваса, но и из Штатов, Бразилии, Чили.

Он жил игрой, зарабатывал хорошо, все деньги тратил на своего единственного внука Пепе, тридцатилетнего хлыща; больше у старика никого на свете не осталось. Пепе работал в баре «Эль Бодегон», щипал гитару, мечтал о карьере актера; старик Рамирес отправлял его в Мексику на съемки, пробоваться; все было хорошо, пока парню не надо было выходить на площадку под юпитеры, – он цепенел, двигался, как робот на батарейках; старик хотел было пристрастить его к бильярду, но внук ответил: «Вьехо³, тут надо считать и думать, а мне скучно, я хочу просто-напросто жить».

Именно Рамирес научил Санчеса, когда тот был еще лейтенантом, хитрости оттяжки шара на дальний борт, умению прятать от противника тяжелый костяной «своак», словом, стратегии этой мудрой, рискованной игры; поэтому и сейчас, когда полковник приезжал в полутемный зал, где низкие старомодные абажуры высвечивали изумрудное поле столов, старик по-прежнему называл его Малышом и грубо бранил за плохие удары.

– Хочешь похитрить? – спросил он, подавая Санчесу кий с монограммой. – Устал?

– Немного, – ответил Санчес, – ты, как всегда, прав, дорогой Бейлис.

(Рамирес однажды рассказал ему про русского мастера Николу Березина, который обыгрывал всех подряд; его звали Бейлис, потому что в Киеве он играл так рискованно, что проигрался до нитки, сделал последнюю ставку на свой костюм и его просадил; профессионалы собрали ему деньги на пиджак и брюки; в Киеве тогда шел процесс Бейлиса, обвинявшегося черносотенцами в ритуальном убийстве русского мальчика. Тому тоже собирали деньги по «подписным листам»; с тех пор Березина звали Бейлисом, и Санчесу очень понравилась эта

---

³ Старик (*исп.*).

история. Рамирес вообще был напичкан всякого рода историями. Санчес слушал его заворуженно. «Ты очень хороший человек, Малыш, – сказал ему как-то Рамирес, – ты умеешь слушать. А это большая редкость в наш век – хороший человек на посту премьеры».)

– Сколько даешь форы, въехо? – спросил Санчес.

– И не стыдно тебе брать у старика фору, Малыш?

– Совсем не стыдно, потому что ты играешь в десять раз лучше меня.

– В семь. В семь, а не в десять. Наша партия будет стоять десять песо, о'кей?

– О'кей.

– Я дам тебе десять очков форы, сынок, и этого достаточно, ты стал классным игроком. . .

Рамирес легко подкатил шар к пирамиде, еще раз помазал кий синим мелком и сказал:

– Ну, давай. . .

Санчес, чуть тронув «своим» пирамиду, спросил:

– Сильно меня ругают твои аристократические гости?

– Достается, – ответил Рамирес. – Я попробую сыграть пятерку от двух бортов в угол,

Малыш. – Он мастерски положил шар. – Но тебя ругают слишком зло, значит, наступаешь кому-то на пятки. Надо ли так резко? Может, как я учу тебя на пирамиде, не стоит особенно торопиться? Начнешь свои реформы попозже, когда люди поверят, что это не есть насилие во имя насилия, а принуждение для их же блага. Десятку к себе в угол.

Наблюдая за тем, как Рамирес собирался перед ударом, Санчес ответил:

– Ты прав, нужно уметь ждать, но еще страшнее опоздать. И потом, те, которым мы наступаем на пятки, имеют возможность посещать этот прекрасный клуб, а девяносто пять процентов нашего народа и не знают, что даже днем, в жару здесь можно отдыхать при температуре двадцать градусов, когда жужжит кондиционер и ты вправе вызвать чико, который принесет виски со льдом, или раздеться и залезть в мраморный бассейн. . . Если бы хоть четверть нашего населения жила в мало-мальски сносных условиях, въехо, можно было бы погодить, но, когда нищенствует большинство, приходится наступать на пятки тем, кого не волнует судьба сограждан. . .

– Смотри, – вздохнул Рамирес. – Ты слишком смело машешь красной тряпкой перед мордами очень крепких быков, килограммов по пятьсот каждый, и рога у них острые, как шило. . . Смотри, Малыш.

Рамирес промахнулся на этот раз, шар остановился возле лузы, и Санчес красиво положил его, а потом положил еще два шара и почувствовал, что началась *кладка*.

– Послушай, Малыш, мой внук Пепе, я рассказывал тебе о нем много раз, неплохо поет. . . Ты говорил в последней речи по телевидению, что намерен открыть театр для народа. . . Он мечтает спеть тебе несколько песен, может быть, его примут в труппу?

– Я плохой ценитель, въехо, – ответил Санчес, но, заметив, как огорчился старик, заключил: – Пусть придет в следующий раз, пусть споет. . . Если мне понравится, я скажу ему честно, пусть тогда идет в театр и, не ссылаясь на меня, запишется на конкурс.

(Агент ЦРУ Орландо Негро вплотную работал с Пепе Рамиресом последние три месяца по плану, разработанному в Лэнгли. Он доказывал парню, что время художественного кино кончилось, сейчас настала пора хроники, документального кадра, триумф Якопетти и все такое прочее. Звездой экрана и сцены можно стать, совершив нечто такое, о чем заговорит мир. Пепе на это клюнул. «А что, по-твоему, может заинтересовать мир?» Орландо ответил: «Ну, не знаю. . . Человек входит в клетку к львам, выпрыгивает из самолета, терпящего катастрофу, и спасается, лезет в извергающийся вулкан или участвует в заключительном акте революции, когда герой устраняет тирана». Орландо увидел страх в глазах Пепе. Тот спросил, понизив голос: «Какого тирана ты имеешь в виду?» – «Сальвадорского, – ответил Орландо. – Или гватемальского. Не считаешь же ты нашего Санчеса тираном?» – «Он друг моего деда, а дед не стал бы дружить с тираном». – «Санчес – не тиран, смешно и говорить об этом, а вот ты дурак.

Используй это знакомство, он подтолкнет тебя коленом под зад на сцену. Я дам тебе двух лучших гитаристов из Мексики, подготовь номер и попроси деда сделать так, чтобы тебя послушал премьер. Об этом через час узнают на телевидении, на завтра ты выступишь солистом в ночной программе».

Гитаристами из Мексики были ребята из группы «завершающих операций» ЦРУ.

Дворец охраняют силы безопасности, верные Санчесу; штурм поэтому невозможен.

Компрометировать майора Лопеса не входило в план Майкла Вэлша, ибо Лопес должен провозгласить себя преемником дела Санчеса, он обязан поклясться в верности погибшему герою.

Оставался один выход – ликвидация премьеры фанатиками из специальной группы, которым будет сказано, что «красные береты» из охраны дадут им возможность беспрепятственно уйти из «Клуб де Пескадорес», на пирсе их ждет сверхмощный катер.

В свою очередь, Лопес проинструктирует «красные береты» об особой бдительности – после того как дело будет сделано, Пепе и гитаристов изрешетят пулями, никаких следов.

Это был один из проектов ликвидации Санчеса. Помимо этого проекта существовало еще девять, проработанных и отрепетированных до мелочей.)

– Когда ты приедешь ко мне в следующий раз? – спросил Рамирес. – Я бы предупредил Пепе...

– Не могу сказать, въехо... Я бью четырнадцатого налево в угол...

Старик достал из кармана рубашки алюминиевый цилиндр, открыл его, достал толстую сигару «Упман», заметив:

– Плохо целишь, бери левее.

– Спасибо, въехо. – Санчес ловко положил шар. – Сейчас предстоит много дел, понимаешь... Но, видимо, в пятницу я вырвусь к тебе. Или в субботу. Предупреди Пепе, чтоб ждал твоего звонка... Восемь к себе в середину.

– Не стоит. Слишком рискованный шар.

– Кто не рискует, тот не выигрывает.

– Это в политике. В бильярде все по-другому.

Санчес промазал, рассмеялся.

– Вот я и отдохнул у тебя, въехо.

– Это правда, Малыш, что ты собираешься жениться на балерине Кармен?

– И об этом говорят?

– Еще как... Девять налево в угол.

– Мы просто-напросто друзья с ней, жениться я не собираюсь ни на ком, даже на той, которую люблю, въехо, потому что нельзя себя делить: я принадлежу этой стране, а если рядом будет любимая, я стану отдавать ей слишком много сердца...

Рамирес положил десятку и вздохнул.

– Малыш, мне очень тебя жаль... Когда ты был лейтенантом, тебе жилось легче и беззаботнее... А за этот год ты стал седым, и хотя в газетах пишут, что у тебя молодые глаза, но я-то помню, какими они были, когда ты был действительно молодым...

Глава 8

11.10.83 (23 часа 06 минут)

Последний раз Леопольдо Грацио позвонил из отеля «Континенталь», где, как обычно, остановился в президентском пятикомнатном люксе.

Он попросил фрау Дорн, свою секретаршу из франкфуртского филиала корпорации, прилететь первым же рейсом в Берн; никто, кроме нее, не умел оформлять стенограммы особо важных совещаний; завтра предстояло именно такое совещание с представителями американской «Юнайтед фрут» и «Ройял Шелл».

Затем Леопольдо Грацио заказал себе ромашкового чая – ничто так не помогает пищеварению; попросил метрдотеля приготовить на завтрак кусок полусырого мяса и авокадо с икрой, пошутив при этом:

– Бюнюэль назвал свой фильм, обращенный против нас, замученных бизнесменов, «Большая жратва», но вы-то знаете, что я позволяю себе шиковать лишь в исключительных случаях...

– О да, – почтительно согласился метрдотель, не посчитавший возможным заметить, что автором фильма «Большая жратва» был вовсе не Бюнюэль, – они все обозлены на мир, эти режиссеры, полная безответственность.

Положив трубку телефона, метрдотель в сердцах сплюнул: как и всякий человек, вынужденный лакействовать, он в глубине души ненавидел тех, кого обслуживал и чьей милостью жил в довольстве, если не сказать – роскошестве.

Глава 9

11.10.83 (23 часа 07 минут)

– Месье Лыско, через три хода я объявлю вам мат, – сказал Серж, хозяин маленького кафе, куда советский журналист приходил почти каждый вечер выпить чашку крепкого чая и сыграть пару партий в шахматы.

Он жил в этом же доме на рю Курнёф; квартиру занимал маленькую: редакция срезала бюджет на жильё; одинокий, вполне хватит двух комнат, кабинет можно оборудовать и под гостиную, холостяку необязательна столовая, тем более многие иностранцы знают, что москвичи принимают порой гостей по-домашнему, на кухне – самом обжитом уголке в доме, где даже тахту умудряются поставить, чтобы телевизор было удобнее смотреть.

– Через два хода вы согласитесь на ничью, месье Нё, – ответил Лыско задумчиво.

В кафе никого уже не было, только парень в парижской сине-красной кепочке с помпоном тянул свой пасти⁴, устроившись возле запотевшего окна так, словно он намерен остаться здесь на ночь.

– Может быть, еще одну чашку сладкого чая? – спросил Серж. – Чтобы горечь поражения не была так ощутима?

– Я готов угостить вас рюмкой кальвадоса, чтобы не было слишком грустно просадить выигрышную партию, месье Нё.

– Объясните, месье Лыско, отчего в России нельзя играть в шахматы в таких кафе, как мое?

– Это необъяснимо. Я за то, чтобы играть в наших кафе в шахматы. Впрочем, культура быта нарабатывается не сразу; мой покойный отец впервые увидел телевизор в пятьдесят первом году, и экран был величиной с консервную банку, а мой пятнадцатилетний племянник родился в доме, где уже стоял цветной ящик и это считалось само собой разумеющимся. Как и то, что я мог только мечтать о мопеде, а он гоняет на нем в техникум... Когда-нибудь доживем и до того, что станем в кафе играть в шахматы...

– Вы мыслите так четко и, несмотря на это, проигрываете в шахматы, месье Лыско. Я обещал вам мат?

– Обещали.

– Может, вам угодно сдаться?

– Никогда, – ответил Лыско, понимая, что партия проиграна.

Ему очень нравилось это французское «жамэ»⁵, оно казалось ему столь же абсолютным, как и наше «никогда»; слово это особенно понравилось ему, когда он, юношей еще, увидел его на киноафишах, – фильм Поженяна так и назывался: «Никогда». «Все-таки талант не может не быть дерзким, так и надо, вот я не талантлив, оттого и дерзости во мне ни на грош», – подумал он и, поднявшись, пошел к телефону, что стоял на стойке бара.

– Итак, вы сдаётесь, – торжествовал Серж, – не правда ли, господин красный коммунист?

– Я проиграл данную конкретную партию, господин мелкий буржуа, но общий счет тем не менее в мою пользу.

Набрав номер, Лыско сказал:

– Мари, я закончил дело. Ты приедешь ко мне завтра утром? Жаль, я начну диктовать первый кусок в десять, хотелось, чтобы ты посмотрела все начисто... А когда? Ладно, я попробую перенести разговор с редакцией на час... Отчего у тебя грустный голос? Ну-ну... Ладно, обнимаю тебя, спокойной ночи... Что? Не знаю.

---

⁴ Анисовая водка.

⁵ Никогда (франц.).

Парень в парижской сине-красной кепочке с помпончиком бросил на стол пять франков, лающе зевнул и вышел из кафе.

Серж налил себе глоток кальвадоса, медленно выпил терпкую яблочную водку и убрал фигуры в большой инкрустированный ящик.

Лыско медленно опустил трубку, усмехнулся чему-то, пожелав месяе Нё доброй ночи, пошел к себе, хотя спать ему не хотелось – он жил ожиданием завтрашнего утра...

Глава 10

12.10.83 (8 часов 45 минут)

Полицейский инспектор криминальной полиции Шор долго сидел на белом стуле с высокой золоченой спинкой, разглядывая Леопольдо Грацио: голова его была разнесена пулей, огромная кровать залита темно-бурой кровью; пистолет валялся на белом мохнатом ковре; когда эксперт поднял на инспектора глаза и отрицательно покачал головой, Шор снял трубку телефона и набрал номер шефа, комиссара Матэна.

– Отпечатков нет.

Матэн долго молчал, потом сказал сухо, рубяще:

– Никаких контактов с прессой! Постарайся сделать все, чтобы информация не попала в вечерние газеты!

– Не обещаю, – буркнул Шор. – Слишком заметная фигура.

– Тем не менее я полагаюсь на твой опыт, Шор.

Глава 11

12.10.83 (8 часов 45 минут)

Степанов всегда останавливался здесь, на авеню Симплон, когда издатель вызывал его из Москвы править верстку. Хозяйка маленького пансиона мадам Брюн давала хороший завтрак (в отличие от других отелей и пансионов – с сыром, ветчиной и яйцами по-венски, а не один лишь джем и кофе), клиенты у нее были поэтому постоянные и цены за номера не росли так стремительно, как в других местах.

Степанов просыпался до того еще, как начинало рассветать, снотворное не помогало; он поднимался не сразу, лежал, запрокинув руки за голову, устало рассматривал потолок, оклеенный ситцевыми обоями, такими же, как на стенах и на полу; мадам Брюн любила завершенность во всем, даже в том, чтобы маленькую комнату сделать коробочкой, уют прежде всего.

«Чем старше люди, особенно женщины, – подумал Степанов, – тем больше их тянет к законченной ограниченности пространства... Неужели это врожденное стремление к тому, чтобы не было страшно ложиться в ящик? Все равно ведь страшно. На этом страхе состоялось новое качество Толстого, да одного ли его разве?»

Он повернулся на бок и стал считать до ста, раньше ему это помогало заснуть хотя бы на полчаса; день предстоял хлопотный: надо было еще раз встретиться со славным журналистом из «Суар» Бреннером (о нем много говорили после его цикла интервью с финансистами и политиками Европы и Азии), в четыре часа, сразу же после ленча, ждали на телевидении – он хотел посмотреть съемки фильма в павильоне, здесь это умели делать чуть ли не в одной декорации, очень быстро и дешево; вечером Алекс пригласил в «Гран серкль», там, помимо хорошей рыбы и вина из Прованса, было маленькое казино, играли *тузы*, Степанову надо было подышать тем воздухом, в голове отливалась новая книга, *чувствовалась* необходимость сцены в игорном доме, один раз он был в Монте-Карло, несколько раз в Баден-Бадене, но все происходившее там казалось опереттой: старухи в шиншиллах, быстрые арабы в расклеванных брючках, туго обтягивающих ляжки, алкоголики в галстуках, взятых напрокат при контроле, – в казино нельзя без бабочки или галстука, традиции прежде всего, приличие и еще раз приличие, даже стреляться разрешено лишь в туалете, только бы не портить общую картину...

Когда надоело считать и он решил было подниматься, наступил тревожный, жаркий сон; видения были отвратительные: какой-то черно-белый пес с рогами катался по траве – видимо, к перемене погоды, да и вообще, когда Степанов видел во сне собак, быть неладам.

Проснулся он, словно вскинулся, хотел отогнать видение, но оно было явственным, как назойливый визитер с рукописью, которую необходимо прочитать, дать отзыв, написать предисловие и порекомендовать в журнал. «Только б Бэмби послушала меня, – подумал он, – хоть бы не переторопилась, ведь такая упрямая, и хоть доверчива, как маленький олененок, доверчива, но и скрытна, все в себе носит, дурашка, нет чтобы рассказать, так ведь всегда недоговаривает... А ты, – спросил он себя, – разве ты не такой же?»

Сквозь жалюзи пробивалось солнце, его было много, но оно было особым, парижским, холодным, даже когда жарко; отчего-то парижское солнце сопрягалось в сознании Степанова со словом «этранже», столь распространенным во Франции; иностранцев, «этранже», здесь не очень-то жалуют, солдат Шовен, по имени которого утвердилось понятие «шовинизм», родился не где-нибудь, но именно здесь...

А потом лучи солнца стали похожими на форель, которая подолгу, недвижно затаившись, стоит в бочажинах у каменных порогов на речке, что возле Раквере, на востоке Эстонии, во время белых ночей. Форель исчезала, если ее «подшуметь», так же нереально, как и появлялась; невозможно было заметить то мгновение, когда вместо большой рыбы с синими и красными крапинками по бокам оставались медленные круги на воде. Лучи солнца на потолке

исчезали так же мгновенно и возникали вновь неожиданно, словно кто-то невидимый закрывал щель на бордовой портъере.

«Голубые – для уюта, красные – для сладострастья» – так, кажется, у Маяковского, – подумал Степанов, вспомнив “Клопа”. – Или наоборот? Учителя всегда ставили мне двойки за то, что я ошибался в деталях. Я-то ладно, пережил все это, а бедная моя Ольга продолжает страдать. За что ей Зина влепила двойку? Ах да, я сказал Ольге, что Чехов написал: “подробность – сестра таланта”. А Чехов, оказывается, говорил, что “краткость – сестра таланта”. Вообще-то одно лишь подтверждает другое: подробность обязана быть краткой, иначе это и не подробность вовсе, а досужее описание».

Степанов услышал шаги в коридоре. Шаги были мягкие и быстрые – мадам Брюн, сама убиравшая эти три комнаты на мансарде, ходила в тапочках, подшитых войлоком, чтобы не тревожить гостей маленького пансиона; ее друг и сожитель месье Рабефф любил повторять: «Мы не можем предоставить постояльцам телефонный аппарат в клозете, как это принято сейчас в “Жорж Санк”, но мы гарантируем каждому восемь часов сна в любое время суток».

Степанов вылез из-под толстого, нереально легкого пухового одеяла, подошел к окну, захлопнул форточку – комнату за ночь выстудило, месье Рабефф экономил на отоплении, радиаторы были обычно нагреты лишь наполовину – и снова лег.

Кровать еще хранила тепло его тела; Степанов натянул одеяло до подбородка, взял со столика «Голуаз», глубоко затянулся и снова стал наблюдать за солнечными лучами, которые, казалось, замерли недвижно лишь для того, чтобы спружиниться, набрать побольше силы и исчезнуть – точно как форель.

«Мы стареем незаметно, – подумал Степанов, – и отмечаем вехи времени, лишь когда исчезают фамилии фаворитов от футбола. Был в ЦЦКА Григорий Федотов – умер. А потом играл его сын. Ага, значит, отстучало двадцать лет. Или восемнадцать – футболисты в отличие от дипломатов рано начинают и так же рано заканчивают... Я очень постарел. Даже страшно подумать, как я постарел. Если бы мне кто-то сказал десять лет назад, что я стану нежиться под одеялом на мансарде в Париже в девять утра, я бы даже не рассвирепел, хотя свирепею, когда за меня решают или придумывают мои поступки... Что я снова свожу счеты с Надей? – усмехнулся он. – Зря. Сводить счеты надо с врагами; с женщиной, которую любил, нельзя – это трусость. Подстраховка мужской гордости – сводить счеты в мыслях, чтобы, упаси бог, не вернуться в один прекрасный день. А может, это противоядие против ревности. Ладно. Хватит об этом. Как говорят наши классовые враги: “Но коммент...” Если бы я приехал в Париж десять лет назад или даже пять, я ложился бы в три, а просыпался в пять и был бы все время на улицах. Париж относится к тем городам, которые сначала понимаешь через улицу, а потом уже через людей. Впрочем, люди здесь похожи на массовку в декорации, сделанной Леонардо; не они определяют лицо Парижа, скорее Париж милостиво дает им право называть себя парижанами. Как мы, русские, прячемся в литературе под шатер, поставленный Пушкиным и Толстым, так и здешние горожане несут на себе отблеск величия своего города. Это точно... Я заметил, как вчера Бреннер знакомил меня с Шарлем Бисо. Он не смог скрыть презрения: “Бисо из Вандей”. Зачем, между прочим, Джордж Мельцер так накачивал меня виски? Вообще-то он напился первым. Хотел, чтобы я, напившись, признался ему, что мой кодовый номер в КГБ “007”? Но боятся нас только не очень умные люди. Особенно те, которые в детстве не успевали по литературе и увлекались спортом. Они знакомы с Гоголем по “Золотой библиотечке”, издаваемой в “Оксфорд пресс”; те “Мертвые души” умещаются на двадцати страничках, и про Собакевича там сказано, что он “жадный и негостеприимный старик”. Как, между прочим, доехал Джордж? Он же был на машине. Хотя у него дипломатический номер. Журналист с дипломатическим номером. Сам он шпион, сукин сын. А девка с ним была славная. Сам шпион, поэтому и считает, что вокруг тоже одни шпионы. У него глаза вечно испуганные. И только когда напивается

и снимает свои дымчатые очки, видно, что его глаза какие-то молочные, и вообще он, наверное, в детстве любил ловить бабочек большим сачком».

Степанов вдруг увидел – явственно, будто кадр из цветного фильма, – громадный луг, поросший жесткой желтой травой, и синих кузнечиков, которые летали, издавая странное жужжание, будто далекий треск вертолета. Но тогда, в известинском пионерском лагере, ребята еще не знали, что скоро вертолеты сделаются бытом, и не знали они, что их будут увозить оттуда под бомбежкой, никто еще ничего не знал, потому что было лето тридцать восьмого года. Степанов вспомнил, как тогда, бегая с большим сачком за кузнечиками, он вдруг испугался чего-то неведомого, остановился, а потом лег на жесткую траву, ощутил ее тяжелый солнечный запах и вдруг заплакал неудержимо, как женщина, которую обидели, совсем не подетски, долго не мог понять, отчего же он так плачет, и, только когда семилетняя Алка Блат стала гладить его по плечам и успокаивать, вдруг понял, что испугался смерти, представив себе, что когда-нибудь исчезнет этот желтый, иссушенный луг, и синие кузнечики, и солнце, и все вокруг исчезнет, потому что умрет он сам...

«Все-таки курить натошак, – подумал Степанов, – типично русская манера. Американцы пьют стакан сырой воды, французы торопятся получить свой кофе, а мы тянемся за сигаретой. Жаль, что у нас исчезли маленькие пачки “Дуката” по семь копеек. Самые были хорошие сигареты. Они появились году в сорок шестом – первые наши сигареты. До этого были папиросы “Норд”, “Беломор” и “Казбек”. Отец, правда, курил «Северную Пальмиру», пока не перешел на “Герцеговину Флор”. Его восстановили в партии и на работе в первые дни войны; в четыре часа утра к нам домой позвонил Поскребышев, помощник Сталина, и сказал отцу, что сегодня же надо выехать в Смоленск – готовить загодя партизанские типографии... Да, лет пять назад я бы, конечно, не предавался в Париже воспоминаниям, а ездил в метро – утренние поезда в любом городе мира похожи на социальную анкету, успевай только анализировать информацию: кто во что одет, что читают, как говорят друг с другом, много ли смеются, толкаются ли в дверях. Говорят, у нас толкаются. Черта с два. Это здесь толкаются, а у нас верх галантности, чудо что за пассажиры. Только у наших старух особые локти, словно у них не кости, а деревянные протезы. “Советские старухи – самые старые старухи в мире!” А что, с точки зрения социологии, в этом тоже есть свой прекрасный смысл...»

– Месье Степанофф! – пропела мадам Брюн, чуть прикоснувшись к двери подушечками своих толстых пальцев. – Месье Степанофф! Вам звонят!

Стучать она не решилась – слишком резкий звук, постоялец может вздрогнуть от неожиданности; мягкость, во всем мягкость, гостя нужно холить. Степанов тем не менее вздрогнул. Он никому не давал номер телефона, предпочитал звонить сам.

– Я сплю.

– Я знаю, месье Степанофф, я сказала об этом абоненту, но он срочно требует вас к аппарату.

«Наверное, Джордж. Он мог узнать, где я остановился».

– Кто звонит?

– Какой-то советский господин.

Степанов накинул халат и попросил:

– Мадам Брюн, не смотрите на меня, я голый.

Брюн рассмеялась, словно рассыпала по столу пуговицы.

«В моем варварском французском она поняла лишь то, что я голый, – подумал Степанов. – Наш самоучитель ни к черту не годится».

Телефонный аппарат стоял в маленьком коридоре, оклеенном ситцевыми, в цветочках – на немецкий манер – обоями.

Мадам Брюн стояла возле телефона и держала в руке трубку.

– Я думала, вы действительно голый, – сказала она, – мне было бы так интересно увидеть голого красного.

– Еще увидите, – пообещал Степанов, и мадам Брюн ушла по винтовой лестнице вниз, раскачивая задницей, необъятной, как аэродром. – Слушаю, – сказал Степанов, провожая взглядом мощные телеса мадам Брюн.

– Дмитрий Юрьевич, посол просит вас приехать к нему в десять.

– А сколько сейчас?

– Спали еще?

– С чего это вы?

– Мадам сказала, что вы голый.

– Вот как... Когда же это она успела?..

– Они проворные... Сейчас девять пятнадцать...

– Хорошо, я буду к десяти.

Степанов наскоро принял холодный душ, бросил в стакан воды таблетку аспирина – французы утверждают, что аспирин надо пить профилактически каждый день, чтобы разжижать кровь, а после пьянки три раза в день; заел кислую воду жестким красным безвкусным яблоком и, только спустившись вниз, недоумевающе подумал: зачем он, приехавший на этот раз править корректуру своей книги, а не по журналистскому мандату, мог понадобиться столь неожиданно?

Глава 12

12.10.83 (10 часов)

Посол Андреев был сед, моложав, поразительно быстр в движениях; со Степановым их связывала давняя дружба; разница в возрасте – двадцать лет – чем дальше, тем больше стиралась, особенно после того, как Степанов провел военкором в джунглях Вьетнама и у партизан Лаоса полгода, побывал в переделках в Чили, на Борнео, в Западном Берлине во время бунта «новых левых», в Ливане, когда Израиль только-только начинал планировать агрессию, и тот незримый разрыв, отделявший фронтовиков от всех тех, кто не был солдатом Отечественной, все больше и больше стирался, хотя конечно же ни одно из трагических событий, свидетелем которых был Степанов, не могло сравниться с теми четырьмя годами битвы, участником которой – с первого дня – был Андреев.

– Я не очень нарушил ваши планы? – спросил Андреев, когда Степанов пришел к нему.

– А я люблю, когда нарушают мои планы... Особенно если вовремя и по делу. Если мне мешают работать, – усмехнулся Степанов, – это еще больше аккумулирует добрую злость, пишется потом особенно жадно...

Андреев покачал головой.

– «Добрая злость»? Не слишком ли много здесь от фокуса?

– Ну и что? Плохо, если его мало. Фокус, как и анекдот, суть, сюжет для книги, повод для дискуссии, побудитель несогласия...

– И это хорошо?

– Бесспорно, Петр Васильевич. Я пришел в этот мир, чтобы не соглашаться, – кажется, сие Горький. Подвергай все сомнению – Маркс.

– Когда это говорят мыслители, они готовят мир к новому качеству, Дмитрий Юрьевич, и я с ними солидарен, но к великим часто примазывается могущественная прослойка лентяев, которые козыряют гарантированным правом не соглашаться во имя того, чтобы бездельничать.

– Отлито в бронзу, – Степанов вздохнул. – Можно чеканить.

Андреев открыл красную папку, цепко пробежал машинописный текст, спросил, не поднимая глаз:

– Вы журналиста Лыско знаете?

Степанов нахмурился, вспоминая, поинтересовался:

– Он аккредитован во Франции?

– Нет, в Шёнёф, это Европейский пресс-центр...

– Что-то слышал, Петр Васильевич, но знать не знаю. Быть может, встречались где... Что-нибудь случилось?

– Да. – Андреев протянул Степанову два сколотых листка бумаги. – Почитайте.

На первом листке сообщалось, что ночью был избит до полусмерти и отправлен на самолете Красного Креста в бессознательном состоянии в Москву журналист Николай Иванович Лыско, сорок пятого года рождения, украинец, холостой; в консульстве об этом узнали от неизвестного, который назвал место, где лежит Лыско, и предупредил, что, если красный еще раз посмеет приставать к его любимой женщине Мари Кровс, он будет убит.

На втором листке сообщалось, что Мари Кровс – журналистка из Гамбурга, аккредитована при пресс-центре, там же, где работал Лыско.

Степанов пожал плечами.

– А какое все это имеет отношение к Парижу, если не считать, что бедный Лыско – наш гражданин?

– Непосредственное, – ответил Андрееenko. – Сегодня утром мне доложили, что кто-то, назвавший себя доброжелателем, оставил в консульстве папку, в которой хранилась запись разговоров Лыско и этой самой Кровс... Интимные разговоры...

– Ну и что? – Степанов снова пожал плечами. – Я не пуританин.

– Вам можно позволить себе эту роскошь. – Андрееenko, в свою очередь, улыбнулся. – Мне, увы, нет, и не столько потому, что я посол, сколько потому, что я старше вас и дольше работаю здесь, за рубежом... Словом, в записке, оставленной вместе с пленкой, говорится, что Лыско дурно себя вел...

– Что-то пахнет грязью...

– Согласен. Именно поэтому я и хотел предложить вам этот «сюжет для небольшого рассказа»... Беретесь? Или дел невпроворот?

– Я же сказал: мне нравится, когда мешают.

Глава 13

12.10.83 (10 часов 45 минут)

Первый выброс акций гаривасских какао-бобов, на которые ставил Леопольдо Грацио, оказался громом среди ясного неба; кто-то резко снизил цену за единицу товара; к продаже было объявлено акций на общую сумму в десять миллионов долларов.

Маклеры осаждали кабинеты двух представителей Леопольдо Грацио – шефа европейского бюро Хуана Бланко и специального консультанта по связям с биржами Северной Америки и Гонконга доктора Бенджамина Уфера; ни того, ни другого не было; секретари отвечали, что ждут боссов в течение получаса; биржа гудела как улей; кто-то пустил слух, что к вечеру цена упадет еще больше; репортеры передали сообщения в «Бизнес ньюс» и «Файнэншл таймс» о том, что кто-то начал игру на понижение акций Грацио, возможна кризисная ситуация; экономический советник Гариваса отказался прокомментировать вопросы журналистов.

Глава 14

12.10.83 (10 часов 45 минут)

– Ты должна мне оставить хотя бы иллюзию свободы, – сказал Бреннер и отошел к окну, чтобы сдержать ярость. – Мы живем с тобой девять лет, и тебе пора понять меня. Я не могу ездить в Киль, потому что там, по твоим сведениям, у меня была любовница Хельга, и в Рим – там была Вероника. По твоей милости Европа сделалась для меня очень маленькой. Лгать тебе? Говорить, что я лечу в Лиссабон – там у меня, кажется, пока еще никого не было, – и заворачивать в Гамбург, чтобы выгодно продать цикл репортажей под чужим именем, получить деньги и смиренно привезти их тебе? Я – чем дальше, тем больше – не могу понять, чего ты хочешь, Мишель?

– Правды. Я хочу правды.

Эти унылые скандалы, ставшие составной частью их быта, повторялись не менее трех раз в месяц. Сначала они довольно быстро мирились, чаще всего в постели, но потом, чем известнее остановился Бреннер, чем уважительнее говорили о его политических анализах в газете, чем более серьезные задания ему давал шеф-редактор, отправляя то в Москву, то в Вашингтон, то в Пекин и Токио, тем тяжелее и горше было ему дома, ибо Мишель, не желавшая знать его дел, требовала невозможного. Бреннер был убежден, что она любила не его, а свою любовь к нему. Он считал, что Мишель – на самом-то деле несостоявшийся художник, причем очень талантливый, она поэтому и требовала от окружающего ее мира той полной и законченной гармоничности, которую, как правило, создают живописцы в своих творениях, однако в мире такого рода гармонии нет и быть не может. А потом он стал думать, что ей просто-напросто не хватает его. «Мы с тобой одного роста, – кричал он во время очередного скандала, начавшегося из-за ерунды, у них все скандалы начинались из-за ерунды, – моя обувь только на размер больше твоей, а тебе нужен громила с бицепсами! Ходи в бассейн! Уставай! Перекопай сад! Или заведи себе кого-нибудь, но так, чтобы это было в рамках элементарного приличия! И перестань вить из меня веревки! Если я сдохну от инфаркта, тебе будет очень несладко! Я всюду в обороне. В редакции я обороняюсь от завистливых друзей, в поездках – от врагов, дома – от тебя! С тобой нужно жить с позиции силы, как это делают другие мужчины! Купить любовницу, и все! Не нравится – развод! Хочешь жить, как живешь сейчас рядом со мной – с машинами и летними поездками в Биарриц, терпи!»... Бреннер всегда вздрагивал, когда звонил телефон. Он купил в Лондоне громадный золоченый аппарат начала века. В отличие от современных аппаратов (борьба с шумами и все такое прочее) этот золоченый ящик издавал звук, напоминающий сигнал тревоги в тюрьме.

– Да! – яростно, словно продолжая спор с женой, крикнул Бреннер в замысловатую трубку, формой напоминавшую ему японку в кимоно. – Кто?!

– Добрый день, можно попросить месье Бреннера?

Он быстро передал трубку жене.

– Спроси, кто говорит, и скажи, чтобы оставили свой номер, я в ванной.

– Аллю, – пропела Мишель. – Что передать месье Бреннеру? Он в ванной...

– Передайте, что звонит Дмитрий Степанов, мы провели вместе вчерашний вечер.

– Вечер? – поюще усомнилась Мишель. – Он вернулся домой в пять утра.

«Родные мотивы, – усмехнулся Степанов, – видно, я несколько подвел коллегу, мы действительно расстались в полночь...»

– Нам было так весело, мадам Бреннер, что я потерял счет времени.

Мишель закрыла мембрану ладонью и шепнула мужу:

– Какой-то Стефа... Очень плохо говорит по-французски...

Бреннер взял у нее из рук трубку.

– Привет вам, Степанов... Простите, я от всех скрываюсь... Очухались после вчерашнего?

Степанов перешел на английский:

– Я вас не очень подвел своим звонком?

– Меня уже нельзя подвести: я давно занес ногу над пропастью, любимые подталкивают, но я пока что балансирую, нелепо размахивая руками...

Степанов усмехнулся.

– Вам не приходилось читать «Молитву для людей среднего возраста», рекомендованную англиканской церковью?

– Нет.

– Там есть прекрасный постулат: «Сохрани мой ум свободным от излишних бесконечных подробностей».

– Приобретаю.

– Постулаты не продаются. Их пишут для того, чтоб распространять бесплатно... Пропаганда...

– Тогда давайте все, что у вас есть из этого англиканского пропагандистского арсенала...

– Могу. Мне, например, нравится такая заповедь: «Я уже не смею просить о хорошей памяти, но лишь припадаю к стопам твоим с просьбой не делать меня самоуверенным, а потому смешным при встрече моей памяти с чужой». Или, например: «Я не умею быть святым, ибо жизнь с иными из них слишком трудна для нормального человека, но желчные люди – одна из вершин творений дьявола».

Бреннер посмотрел на Мишель с тоской, покачал головой и потянулся за сигаретой.

– Слушайте, – сказал между тем Степанов, – у меня к вам вопрос...

– Пожалуйста...

– Вам имя журналистки Мари Кровс ничего не говорит?

– Это левачка, которая сидит в Шёнёф?

– Да.

– Любопытная девка.

– Может быть, выпьем кофе?

– Хорошо, в пять часов у Пьера, в Латинском квартале.

...Однако в пять часов Бреннер не пришел в кафе; к Степанову подплыл официант Жобер, из голубых, доверительно и ласково положил холеную ладонь на плечо гостя, низким басом, глухо покашливая, сказал:

– Месье Бреннер просил передать, что у него чрезвычайно важное дело, он не может приехать и, если ваш вопрос не терпит отлагательства, ждет вас к себе в редакцию что-то к девяти вечера, он полагает к этому времени высвободить тридцать минут, а кофе вам приготовит его секретарь, жирная шлюха с блудливыми, как у мартовской кошки, глазами... Я убежден, она тайно плюет в его кофе, потому что он перестал с ней спать после того, как она раздалась, словно винная бочка... Что-нибудь выпьете?

– Нет, спасибо, – ответил Степанов. – Я немного поработаю. Пожалуйста, принесите мне еще стакан воды.

Жобер томно вздохнул и отплыл к стойке – открывать «минераль».

Степанов достал из кармана маленький диктофончик, включил его и, заворуженно разглядывая красную моргающую точку индикатора, начал неторопливо диктовать, ловя себя на мысли, что профессия, то есть постоянная работа со словом, выработала в нем какое-то особое, осторожное отношение к фразе произнесенной; воистину, вылетел воробей – не поймал, хотя он отдавал себе отчет, что пленку можно просто-напросто стереть, слово исчезнет, будто и не было его, но такова уже природа профессии, видимо, человек делается ее подданным, особенно если эта профессия стала счастьем, трагедией, судьбой.

Степанов хотел надиктовать для себя набросок плана действий на ближайшие дни, выделить те вопросы, связанные с делом Лыско и Кровс, которые показались ему наиболее интересными – кое-что он успел узнать, позвонил коллегам из Рейтер, ТАСС и Юнайтед Пресс Интернэшнл, – но неожиданно для самого себя начал рассказывать красному индикатору совсем о другом: о детях, Плещеевом озере и Пицунде, когда там собираются его друзья...

Глава 15

12.10.83 (17 часов 12 минут)

«Центральное разведывательное управление

Майклу Вэллиу

Строго секретно

Через час после того, как в Гаривас пришло сообщение о самоубийстве Грацио, президент Санчес собрал экстренное заседание кабинета, как только что сообщил агент Серхио.

Санчес начал с того, что предложил почтить память “убитого” Грацио вставанием и минутой молчания.

Затем он сказал, что это “преступление есть первое в числе тех, которые, видимо, спланированы как против самостоятельно мыслящих бизнесменов Европы, не поддающихся нажиму военно-промышленных многонациональных корпораций, так и против режимов, отстаивающих свою самостоятельность и национальную независимость”. Он подчеркнул далее, что с гибелью Грацио “вопрос об энергопроекте и займе под это гигантское – в масштабах Гариваса – предприятие поставлен под удар. Все мои попытки снести с Фрицем Труссеном, который в принципе не отвергал возможность своего участия в финансировании проекта, пока что безрезультатны. Так же безрезультатны были и попытки снести с представителями Грацио на биржах, Уфером и Бланко; телефоны молчат, секретари не дают ответа, где их можно найти. Я опасаюсь удара по тем акциям на бобы какао, которые мы выпустили под заем Грацио. Я опасаюсь финансового кризиса, который может разразиться в ближайшие часы. В какой мере мы готовы к такого рода испытаниям?”

Первым выступил директор радио и телевидения, посоветовав Санчесу обратиться к нации по поводу случившегося. Его поддержал министр финансов. Однако министр обороны майор Лопес предложил воздержаться от выступления, “в котором Санчес обязан выразить мнение кабинета”, но предложил “ввести военное положение в стране и вывести из казарм армию, заняв все стратегически важные узлы в городах, на побережье и вдоль сухопутных границ”. Министр общественной безопасности Пепе Аурелио резко возражал майору Лопесу, считая, что такого рода мера вызовет панику и может привести к непредсказуемым последствиям. “На севере будут рады подобным жестам правительства, – заключил шеф сил безопасности, – ибо это позволит начать кампанию по поводу неустойчивости положения в Гаривасе, «угрозы» национальным интересам Штатов, которые конечно же обязаны быть защищены не только всеми возможными дипломатическими демаршами, но и морской пехотой”. Адьютант Санчеса по военно-морским силам капитан Родригес открыто заявил, что считает миллиардера с Уолл-стрит Барри Дигона повинным в настоящем кризисе, ибо “американский финансист развернул активную деятельность в Гаривасе, особенно в течение последнего месяца”. Он предложил выступить в печати с резкой критикой северного соседа и тех его представителей в лице миллиардера Барри Дигона, которые в своих узкокорыстных целях мешают развитию нормальных отношений между двумя странами. Министр иностранных дел высказался против такой позиции, заявив, что правительство не располагает документами по поводу незаконной деятельности людей Дигона, это может привести к еще более серьезным осложнениям с администрацией Белого дома, чутко реагирующей на то, как затрагиваются интересы Уолл-стрит в Центральной Америке.

Министр энергетики и планирования Энрике Прадо считал, что необходимо немедленно отправить делегации в Вашингтон, Мадрид, Бонн и Москву, чтобы на местах внести предло-

жения о финансировании энергопрограммы, если после гибели Грацио его концерн откажется проводить линию покойного.

В заключение Санчес задал вопрос: “Не настало ли время объявить о вооружении народа, создании народной милиции и одновременно обратиться в Международный валютный фонд с просьбой о немедленной помощи – на любых условиях, под самые высокие проценты?”

Мнения членов кабинета разделились.

Санчес предложил провести следующее заседание правительства завтра утром, когда, по его словам, “мы получим более или менее полную информацию от наших послов в Европе и Северной Америке”.

Резидент Роберт Бак».

Секретарь, передавший Вэлшу эту телеграмму с пометкой «срочно», спросил:

– Видимо, копии стоит отправить директору и помощнику президента?

Вэлш ответил не сразу:

– Ничего определенного пока нет, не о чем информировать... Я предпочитаю сообщать начальству о конечном успехе, это хоть отложится у них в памяти.

Глава 16

12.10.83 (17 часов 17 минут)

Бреннер действительно угостил Степанова крепким кофе, поинтересовавшись при этом:

– Любите капуччино?

– Это когда холодные сливки кладут в горячий кофе и получается сладкая темно-желтая пена?

– Именно.

– Люблю.

Бреннер нажал кнопку селектора, странно поклонился микрофону, словно бы извиняясь перед ним, и сказал:

– Вивьен, будет очень славно, если вы найдете возможность попросить кого-нибудь подать нам мороженое, я хочу угостить русского визитера итальянским капуччино.

– Я постараюсь, – ответил сухой женский голос, и Степанов сразу понял, что это та самая секретарша, о которой с раздражением говорил официант в кафе; только те женщины, которые были близки с мужчиной, могут говорить с такой обидой и снисходительным превосходством, особенно если обе стороны чувствуют невозможность восстановить отношения; женщина, которая надеется на окончательную победу, умеет быть постоянно нежной, или же мужчине встретился ангел, но есть ли они на земле?

Бреннер отключил селектор, мазнул Степанова рассеянным взглядом – понял ли тот интонацию; не смог определить; открыл новую пачку «Голуаз», неловко прикурил и, видимо, досадуя на себя, заметил:

– Я не смог приехать к вам оттого, что пришла сенсация, но мы не втиснули ее в выпуск, позор, стыд, конец миру свободной журналистики!

– Что-нибудь интересное?

– Застрелился Леопольдо Грацио...

– Кто это?

– Фу, Степанов, как не стыдно! Либо вы хитрите, либо я был о вас слишком высокого мнения... Леопольдо Грацио – чудо послевоенной деловой Европы, парень нашего возраста, пятьдесят один год, начало заката, но силы хоть отбавляй, стоит семьсот миллионов долларов, президент «Констракшн корпорейшн», содиректор Банка валютных операций, хозяин двух гонконгских банков, человек, который тратил на себя двенадцать долларов в день и обедал в рабочих столовых... Правда, у него свой «Боинг», две яхты и семнадцать апартаментов в крупнейших отелях мира...

– Насколько мне известно, в одной из крупнейших столиц мира, – отчего-то обиделся Степанов, – я имею в виду Москву, у него апартаментов не было.

– Убежден, что были. Через подставных лиц, на имя другой корпорации, но были непременно! Через пару дней я дам вам точный ответ, но верьте мне, Диметр, он был вездесущ... Полиция поступила подлю. Он застрелился утром, а мне позвонили только в половине пятого, после того как тираж пошел подписчикам... Я готовил экстренный выпуск, поэтому не смог к вам приехать... Кстати, почему вы интересовались Мари Кровс?

– Это связано с судьбой нашего коллеги, русского журналиста Лыско.

– Диметр, это не по правилам.

– То есть? – не понял Степанов. – О чем вы?

– Я люблю русских, мне это завещал отец, он был в маки, его завет для меня свят, но иногда ничего не могу поделать с собою: меня гложет червь недоверия, когда я имею дело с вами.

– Персонально со мной?

– Я имею в виду красных. Вы скрытничаете, недоговариваете, словно бы боитесь самих себя...

Степанов вздохнул.

– По молодости бывает...

– По зрелости тоже. Вы утром спросили меня о Мари Кровс. Это было что-то около одиннадцати. Значит, вы знали про Грацио, но мне об этом не сказали, а пошли своим обычным российским, окольным путем... Ведь я только что кончил говорить с мадемуазель Кровс, она специалист по людям типа Грацио, встречалась с ним, занималась его концерном и банками, писала о нем... Вот так-то.

– Какая-то чертовщина, Бреннер... Я ничего не знал про Грацио, даю слово... Все иначе... Я скажу вам, в чем дело, но я говорю вам об этом доверительно, хорошо?

– Я буду нем как рыба.

– В Шёнёф работал наш коллега Лыско, молодой парень... Его увезли в Москву с проломленным черепом... Чудом не угробили, чудом... За то, что он якобы был слишком близок с Мари, понимаете? Вот отчего я интересовался ею...

– Когда его хлопнули?

– Вчера.

– Она знает об этом?

– Я не говорил с нею... Я жду визу.

– Хотите, позвоню я?

Степанов неторопливо закурил, ответил задумчиво:

– Черт его знает... А почему нет?

– Я могу сказать ей про этого самого...

– Лыско?

– Да, – поморщился Бреннер.

– Говорите, как считаете нужным... И предупредите, что я приеду в Шёнёф сразу же, как получу визу.

– Забудьте про ваши русские номера: как только получу визу... Это ваше личное дело, когда вы получите визу... Ее дело согласиться на встречу и назначить время и место...

Бреннер набрал номер, представился, попросил соединить его с мадемуазель Кровс, зажал мембрану ладонью, объяснил:

– Она в баре пресс-центра... Хорошая жизнь, а?!

– Спросите, какого она мнения о Лыско как о журналисте...

– Если его били за близость с этой фрейлейн, надо спрашивать про другие качества. –

Бреннер отчего-то вздохнул, нажал на селекторе кнопку, поинтересовался: – Хотите слышать наш разговор?

– По-французски я не пойму.

– Я поговорю с ней на английском, не на немецком же, право...

– Нет, но вы, французы, неисправимые националисты...

– Имеем право на это, Диметр, имеем право...

В селекторе прозвучал низкий голос:

– Кровс.

– Здравствуйте еще раз, это снова Бреннер.

– Добрый вечер, мистер Бреннер.

– Могу я задать вам еще несколько вопросов?

– Пожалуйста, хотя я сказала то, что мне представлялось возможным сказать...

– Речь пойдет не о Грацио, мисс Кровс. Известно ли вам имя русского журналиста Лы...

Лы... – Бреннер посмотрел на Степанова, снова прикрыл ладонью мембрану, но Кровс ответила:

– Вы имеете в виду мистера Лыско?

Степанов кивнул.

– Именно, – ответил Бреннер.

– Мне не просто известно его имя, мы дружны.

– Вам известно, что его в бессознательном состоянии увезли в Россию?

– Что?!

– Да, на него было совершено нападение... Он, как говорят его русские коллеги, очень плох... Мотивом избиения послужили якобы ваши отношения...

– Ах вот так? Его обвиняют в том, что он спал с представительницей бульварной прессы?

– Его обвинили в том, что он был близок с женщиной, которую любит неизвестный друг...

– Неизвестный друг конечно же связан с корпорацией Дигона, мистер Бреннер, потому что Лыско исследовал те же материалы, которыми занималась и я... Точнее говоря, он... Словом, у меня нет ревнивого друга, который пошел бы на такое безумство...

Степанов показал пальцем на себя. Бреннер быстро закрыл трубку ладонью, спросил:

– Хотите поговорить?

– Да.

Бреннер на секунду закаменел лицом; видимо, стремительно продумывал то, как он должен объяснить Кровс про красного; снова потянулся за сигаретой, мгновенно прикурил, прижав трубку острым плечом к уху.

– Мисс Кровс, у меня в гостях наш русский коллега Степанов; он писал репортаж о партизанах Лаоса и Вьетнама, был в Чили накануне трагедии и дружил с вождем РАФ⁶ Ульрикой Майнхоф. Он хочет поговорить с вами.

– Пожалуйста, – ответила женщина, помедлив. – Я слушаю.

Бреннер протянул Степанову трубку.

– Добрый вечер, мисс Кровс. Я жду визы, думаю, мне дадут ее в ближайшие дни... Вы сможете повидаться со мной?

– Конечно.

– Я возьму у господина Бреннера номер вашего телефона?

– Можете записать домашний. Тридцать семь двадцать четыре сорок девять... Лыско плох?

– Да.

– Почему его не госпитализировали здесь?

– Потому что кто-то позвонил в наше консульство и угрожал ему... Потому что его обвиняют в том...

– Я уже слышала... У меня нет ревнивых друзей, а у него могли появиться серьезные враги... Из-за меня, это верно. Приезжайте, я вам расскажу кое-что... Днем я обычно в бюро или баре, вечером дома.

Когда Степанов положил трубку, Бреннер заметил:

– Странная история... Концерн Дигона... Пошли посмотрим по справочникам? Она – хоть и не прямо – все же обвинила этого старика... Вы ничего же о нем не знаете?

– Я знаю о нем, и знаю немало.

– Вот как?! – Бреннер удивился. – Все-таки вы непредсказуемые люди! А может, мы доверчивые агнцы в сравнении с вами и вы постоянно играете нами, словно детьми?

– Если бы, – усмехнулся Степанов. – Каждый из нас норовит поиграть другим, что не есть хорошо, как говорят мои немецкие друзья.

---

⁶ Ультралева организация «Роте Арме Фракцион».

– Пошли в досье, там расскажете мне про Дигона, проверим эти данные по нашим последним справочникам...

Глава 17

Ретроспектива I

(семь месяцев назад, весна 83-го)

Барри Дигон начал сдавать, как-никак семьдесят семь, но все наиболее важные дела по-прежнему вел сам, не передоверяя даже самым близким, проверенным помощникам.

Поэтому, когда департамент концерна, отвечавший за все биржевые операции в мире, обработал информацию о том, что люди Леопольдо Грацио (конечно же не служащие его концернов и банков, а *контакты* в иных фирмах) начали играть на повышение курса акций какао-бобов, когда служба разведки концерна сообщила, что в Гаривасе, где всего лишь пять месяцев назад пришли к власти военные во главе с полковником Мигелем Санчесом, наметилась тенденция к расколу в руководстве и министр обороны, сорокалетний Армандо Лопес, выпускник Вест-Пойнта, примкнувший к левым силам, дважды нелегально встречался с послом США Дональдом Беркли, причем запись беседы сразу же ушла в Белый дом с пометкой государственного секретаря «Срочно, совершенно секретно, только для президента», Барри Дигон дал указание внешнеполитическому департаменту концерна выяснить, существуют ли высокоавторитетные контакты, которые смогут обеспечить встречу с министром обороны в самое ближайшее время, желательно на нейтральной территории; в случае же если это может бросить тень на майора Армандо Лопеса, следует срочно купить какой-нибудь замок в Гаривасе на берегу океана – ничего вызывающего, десять-пятнадцать комнат от силы, не более двадцати акров земли, незачем привлекать внимание левой прессы – и пригласить среди прочих на новоселье этого самого майора Лопеса.

После этого Дигон позвонил помощнику государственного секретаря Полу Гоу, договорился с ним о ленче; перед тем как ехать в клуб, внимательно просмотрел данные, полученные от своих брокеров⁷ на биржах Цюриха, Амстердама, Лондона, Гонконга и Франкфурта-на-Майне; речь шла исключительно о ценах на какао-бобы, Гаривас – один из крупнейших поставщиков этого продукта; убедил Зигмунда Шибульского, помощника по специальным связям с администрацией, договориться о встрече с первым заместителем директора ЦРУ Майклом Вэлшем; попросил секретаря, занятого составлением ежедневных компьютерных сводок, выяснить, отчего Леопольдо Грацио начал играть на повышение акций какао-бобов именно после прихода к власти военных в Гаривасе, и отправился на ленч в клуб «33».

(Брат помощника государственного секретаря Пола Гоу был директором филиала треста Дигона в Швейцарии, курировал интересы концерна на биржах Цюриха, Антверпена и Франкфурта-на-Майне, поэтому разговор Гоу и Дигона был, как и всегда, доверительным. Впрочем, Пол Гоу понимал, что излишняя откровенность с магнатом нецелесообразна; дипломат, он полагал, что информация, отданная по частям, ценится куда как выше; профессионал от экономики не понял бы избыточной открытости, это может свидетельствовать о шаткости позиции чиновника; как правило, откровенничают люди, взявшие Бога за бороду, стоящие на грани краха, или же дурни; все остальные ведут свою *партию*, иначе говоря, торгуют знанием.)

– Мой иглотерапевт, – сказал Дигон, рассеянно поглядев на официанта, стоявшего возле их столика, – мистер Гарольд Личжу утверждает, что Александр Македонский был убит совершенно поразительным образом...

– Насколько мне известно, он умер от лихорадки, – возразил Гоу. – Латынь...

– Я закажу нам спаржу, – пожевав губами, перебил Дигон, – и телячье филе, здесь это делают специально для меня по венскому рецепту.

– Прекрасно, – откликнулся Гоу, – по-моему, прекрасно.

---

⁷ Биржевой маклер.

– По-моему, тоже. – И Дигон передал официанту меню, запрессованные в сафьяновые с атласом папки. – Что же касается латыни, которую вы изучали в колледже, то в этой капле бытия отражается все несовершенство нашего мира, его *непоспеваемость* за неразумной устремленностью знания... «Античность, античность, нет ничего мудрее античности!» Ерунда... Пришло время, и античность рассчитали на компьютерах дошлые мудрецы от математики. И установили с абсолютной точностью, что в некоем индийском храме жрецы предложили Македонскому «приблизиться к богам». Тот, ясное дело, согласился, но как это осуществить? Очень просто. Надеть самую дорогую корону с алмазом величиной с кулак и совершить ритуальный выход ровно в полдень на площадь в самый жаркий день месяца. Великий полководец прошел с алмазной короной по плацу, с лица его струился пот, щеки покрылись бледностью. Вернувшись на родину, Македонский начал мучиться головными болями и вскоре умер. В чем дело? Да в том, что жрецы сожгли ему гипоталамус... Или гипофиз, я путаюсь в медицинских обозначениях. Никакого ожога волосяного покрова, а человек тем не менее убит... Мечь побежденных – алмаз фокусирует полуденную энергию солнца, чрезмерное тепло делает свое страшное дело...

Гоу усмехнулся.

– У меня нет личного иглотерапевта, Барри, поэтому я лишен той информации, которой владеете вы, однако же моя латынь, то есть античность, позволяет прокомментировать историю об убийстве Македонского несколько иначе. Если согласиться с тем, что мы рождены под определенными планетами, если позволить себе – с известной долей снисходительности – признать правомочие астрологии для тех, кто желает в нее верить, тогда следует вспомнить историю про то, как астролог, живший при дворе матери великого завоевателя, молил ее, рожавшую Македонского, потерпеть еще пятнадцать минут, всего лишь пятнадцать, и он, тот, который идет на свет из твоего чрева, станет властелином земли! Но женщине неподвластна природа... Александр родился в свой срок, и жрец предсказал, что мальчик завоюет полмира, создаст великую империю, но умрет в возрасте тридцати трех лет, и царство его распадется, лишь только он испустит дух. Случилось именно так...

– Значит, по-вашему, – сказал Дигон, подвигая к себе тарелку со спаржей, – прогулка по плацу с короной-лазером была предопределена свыше? Как и завоевание Азии?

– А это на ваше усмотрение, – ответил Гоу и добавил: – Спаржа действительно отменна.

– В таком случае я ставлю новый вопрос на ваше усмотрение, Пол... Вопрос из другой области: что определит будущее министра обороны Гариваса майора Лопеса – предсказание астролога или же мечь жрецов?

– Какого рода жрецов вы имеете в виду, Барри?

– Мне любопытны все жрецы, которые входят в поле вашего интереса.

– Чем дальше, тем больше мы, дипломаты, стремимся к тому, чтобы говорить откровенно, Барри. Вы недостаточно четко формулируете вопрос. Вас интересует моя точка зрения на отношения Лопеса с Мигелем Санчесом? Или же вам хочется узнать мое мнение о перспективе нашего присутствия в Гаривасе?

– Меня интересует все. В частности, мне любопытно ваше отношение к активности наших европейских союзников в Гаривасе.

– Кого вы имеете в виду?

– Концерн и банк Леопольдо Грацио.

– Это серьезный вопрос, Барри. Новая информация об активности Грацио в Гаривасе недавно пришла к нам, он ставит на Санчеса, так выгодно западноевропейской тенденции, однако я не думаю, что Грацио добьется успеха: как-никак Гаривас в непосредственной близости от наших границ, а не от европейских, поэтому разумнее ставить на майора Лопеса, армия есть армия, тем более он говорит по-английски, как мы с вами, традиции Вест-Пойнта и все такое прочее...

– Он надежный человек?

– Задайте этот вопрос вашим друзьям из ЦРУ, для меня как дипломата важны тенденции и возможности; они же, парни из Лэнгли, в первую очередь интересуются личностями.

– Не грех бы и вам не разделять тенденцию и личность, – заметил Дигон, – это в конечном счете неразделимо.

– Верно. Однако же работаешь с увлечением, оперируя глыбами теории, а не суматохой практики... Если бы все же я был заинтересован в личности, а не тенденции, я бы занялся и ею.

– Следовательно, вашего брата, то есть всю вашу семью, должна занимать именно личность майора Лопеса, мой дорогой Пол. От того, куда он пойдет, этот загадочный майор, прикнувшийся к левым военным, зависит успех моего дела, а это значит – дивиденды вашего брата...

Пол Гоу отодвинул тарелку с мягким телячьим мясом (чересчур мягкое, ощущение безвкусицы), аккуратно вытер чуть ли не жестяной – так накрахмалена – салфеткой чувственные крупные губы и ответил:

– Я бы поставил на майора Лопеса. Так, во всяком случае, посоветовал бы поступить брату, если он решит поиграть на бирже.

– А что ему играть на бирже? В Гаривасе есть немного каучука, *виды* на нефть, серебро, бананы и какао-бобы. На что *нам* играть с вашим юным братом?

Пол Гоу рассеянно кивнул метрдотелю, поставившему перед ним кофе, и ответил, когда тот отошел:

– По нашим данным, не до конца проверенным, майор Лопес через подставных лиц скупает плантации какао-бобов... Особенно в тех районах, где скрываются люди, которых нынешний режим называет крайне правыми.

– Откуда у этого майора деньги?

– А он рискует, Барри, он взял ссуду на год... Опять-таки не он лично, кто именно и где, я не знаю, но, по слухам, ссуду ему открыл один из наших банков.

– Какой конкретно? – спросил Дигон. – Видимо, это знает ваш посол.

– Барри, я люблю моего брата, который служит вам, и очень хочу, чтобы он получил лишнюю пару сотен тысяч баксов, но я не могу делиться с вами сверхсекретной информацией...

«Красиво поделился, – отметил Дигон, – знает, как продавать себя, молодец, смекалист, надо бы продумать вопрос о том, как заранее пригласить его к нам, если когда-нибудь Шульц уйдет, этот с головой».

Назавтра люди Дигона вылетели в Гаривас и купили небольшой испанский замок в сельве, неподалеку от тех мест, где скрывались формирования правых экстремистов; следом за ними прибыла бригада реставраторов; представитель европейской корпорации «Бельжик минераль» месье Ласен – никто, понятно, не знал, что он работал на Дигона, – во время приема в перуанском посольстве был представлен послом США не только Санчесу и министру энергетики Прадо, но и Лопесу; повернувшись спиной к залу, месье Ласен поинтересовался, не согласится ли майор посетить – конечно же вместе с другими членами правительства – новоселье, которое собирается отметить Барри Дигон, в данном случае не только банкир с Уолл-стрит, но и член наблюдательного совета Международного банка инвестиций; старик думает о будущем, он готов помогать республике, он считает руководителя армии высокоавторитетным деятелем страны и хочет перемолвиться с ним парой слов в доверительной обстановке...

– Я готов к встрече, – усмехнулся майор Лопес, – имя Дигона говорит само за себя любому латиноамериканцу, особенно такому, как я, натерпевшемуся от гринго не только на родине, но и за годы учения в Штатах...

Глава 18

13.10.83 (9 часов 45 минут)

Инспектор Шор попросил Папиньона, своего молодого помощника, на все звонки журналистов отвечать в том смысле, что никакой новой информации не поступало, версия самоубийства остается прежней, хотя, с его, Шора, точки зрения, во всем случившемся есть ряд «черных дыр», которые он пока что не намерен комментировать.

Звонили непрерывно; Папиньон отвечал так, как ему сказал Шор; корреспондент «Геральд трибюн» связался с комиссаром полиции Матэном, пожаловался на нарушение закона об ответственности чинов сыска за гласность информации; Матэн пообещал разобраться и решил было уехать из офиса, понимая, что и ему не будет покоя, но, как раз когда он собирался надеть легкое пальто из невесомой ангоры, секретарь сказал, что на проводе мистер Джон Хоф, просит соединить его хотя бы на три минуты; шеф знал, кто такой Джон Хоф, подошел к аппарату, не уследил за лицом, почувствовав гримасу некоторого подобострастия, рассердился на себя, ответил поэтому сухо:

– Комиссар Матэн слушает.

– Доброе утро, комиссар, спасибо, что нашли для меня время... Меня замучили покровители из нашего посольства, в газетах появились странные сообщения, связанные с трагической кончиной Грацио, он был большим другом Штатов, его самоубийство всполошило всех... Не согласились бы вы пообедать со мной, комиссар? В час дня, – торопливо закончил Хоф, опасаясь услышать отказ, – в ресторанчике Пьера Жито?

Джон Хоф был резидентом Центрального разведывательного управления, жил здесь под «крышей» вице-директора «Уорлд иншурэнс компани», поддерживал отношения с полицией открыто, как-никак возглавляет страховую компанию; связи его были широки и надежны; комиссар Матэн ответил поэтому:

– А у вас нет никаких сведений, связанных с этой трагедией?

– Кое-что есть.

– Хорошо, я принимаю ваше приглашение, мистер Хоф.

Комиссар снял пальто, попросил секретаря ни с кем его не соединять, сварил себе кофе и вызвал инспектора Шора.

– Изложи-ка мне свои соображения по делу Грацио, дорогой Соломон.

Шор удивился: комиссар обычно не вмешивался в его дела, ждал, когда инспектор сам придет с новостями; за помощью никогда не обращался, волк среди волков, он привык работать в одиночку.

– Еще рано делать выводы, шеф.

– Мне надо быть готовым к разговору с человеком, который интересуется этим делом...

– Не один человек этим интересуется, шеф.

– Тот человек интересуется не ради любопытства, Шор, дело экстраординарное, ищут политическую подоплеку, словом – ты уже читал материалы пресс-центра, – приплели мафию, ЦРУ, КГБ и палестинцев...

– Я не убежден, что он шлепнулся. – Шор пожал плечами. – Экспертиза только что прислала мне ответ на повторный запрос: на пистолете нет отпечатков пальцев, а Грацио лежал на кровати без перчаток...

– Ну а если горничная с испуга вытерла рукоять?

Шор закурил и, вздохнув, заключил:

– Ха-ха-ха!

– Ты будешь шутить, – поморщился комиссар, – когда свалишь дело в архив, пока что тебе не до шуток, Шор. Дальше, пожалуйста.

– Дальше проще. Я установил, что Грацио вызвал на десять утра Бенджамина Уфера и Хуана Бланке. И тот, и другой были его доверенными людьми – биржа и международные связи; Хуан искал контакты в России и Пекине, а Уфер выполнял самые щекотливые поручения на бирже. Помнишь эпизод, когда кто-то решил свалить Ханта, пустив бедолагу по миру с его запасами серебра? Так вот, Уфер приложил к этому руку, сработал по высшему классу, никаких улик... Я вызвал их на допрос... Фрау Дорн была невменяема... Обрывки информации... Буду беседовать с ней сегодня, думаю, она пришла в себя... Довольно любопытна его записная книжка... Там телефон посла Гариваса Николаса Колумбо и запись о ленче, который должен был состояться у них сегодня в два часа во французском ресторанчике, даже меню записано: «салат меридиональ», антрекот «метрдетель», на десерт «шуа де фромаж»⁸ и «айриш кафе»⁹... Как быть? Имею ли я право вызвать на допрос этого посла?

– Ты сошел с ума? – деловито осведомился комиссар Матэн.

– Отнюдь. Трижды звонила какая-то баба из Гамбурга, она аккредитована в Шёнёф при пресс-центре, требует встречи, говорит, что ей известны причины, приведшие к преступлению... Прямо говорит, что Грацио убили, и утверждает, что ей известно, кому это было выгодно...

– Кому же?

– Она требует встречи и предметного разговора... Я отказываюсь... Грозит бабахнуть свою информацию...

– Ты знаешь ее фамилию?

Шор медленно поднял глаза на комиссара и кивнул.

– Как ее фамилия? – повторил свой вопрос комиссар.

– Кровс.

– Пригласи ее, не надо ссориться с прессой... Послу Гариваса я бы на твоём месте позвонил и попросил его назначить встречу... Ни о каком допросе речи не может быть...

– Хорошо.

– Как у покойника было с бабами?

– Как у всех...

– То есть?

– Имел двух-трех любовниц, с женой, Анжеликой фон Варецки, давно не живет...

– Где она?

– В Торремолиносе, это где-то в Испании...

– Тебе не кажется разумным слетать к ней?

– Оставленные жены всегда валят три короба на своего бывшего избранника, стоит ли брать в толк ее показания?

– А если она исключение?

– Бывшие жены не бывают исключениями. Тебе как шефу можно позволить себе иллюзии, а я живу грубой явью...

– Я женат вторым браком, Шор, и сохраняю с первой женой самые дружеские отношения...

Шор знал первую жену Матэна, слушал запись ее бесед с тем альфонсом, который спал у нее, когда сыновья уезжали на ферму, оставленную семье комиссаром; как же она говорила о бедняге, что несла – уши вянут! Наивная, святая простота; воистину, стареющие мужчины невероятно глупеют, самая глупая баба в сравнении с ними – Ларошфуко. «В сравнении со мной тоже, – поправил себя Шор, – и я не юноша, пятьдесят четыре – все-таки возраст, куда ни крути».

---

⁸ Набор сыров.

⁹ Кофе по-ирландски.

– Я понимаю, – сказал наконец Шор, – наверно, ты прав, я и первым-то браком не успел сочетаться, сплю со шлюхами, это дешевле, чем благоверная, никаких претензий, семь раз в месяц по пятьдесят франков. Коплю на гостиницу в Санкт-Морице...

Комиссар рассмеялся.

– Разве вам, евреям, надо копить? Обратись в свою общину, сразу соберут деньги, это нам, католикам, трудно жить... Ну, хорошо, вернемся к делу... Кому могло быть выгодно убийство, если это, как ты считаешь, действительно убийство?

– Черт его знает... Сегодня иду на биржу, надо посмотреть, как там. Что же касается меня, я патриот Швейцарской Конфедерации, в Бога не верю, в синагоге не молюсь, акции не покупаю. Еще не научился продавать совесть... А на бирже началась игра... Через пятнадцать минут после того, как я вошел в номер покойника, его акции полетели вниз, кто-то греет на нем руки...

– Вечером или в крайнем случае завтра утром я бы попросил тебя рассказать мне, как прошел день.

Шор поднялся.

– О'кей... Я свободен?

– От меня да, – улыбнулся комиссар, – но не от обстоятельств...

Джон Хоф был, как обычно, весел и резок в жестах (постоянно бил посуду в ресторанах, платил за убыток щедро, поэтому его приходу радовались и хозяева, и официанты; впрочем, он выбирал для деловых встреч маленькие ресторанчики, где официантов не было, – хозяин готовил, хозяйка, дочь, сын или невестка обслуживали гостей, очень удобно, полная конспирация, времена крутые, клиентом дорожат).

– Месье Матэн, нас угощают сегодня оленем, ночью привезли с гор, стараются охотники Венгрии, у них на границе с Австрией замечательно отлаженные охотничьи хозяйства... Выпьете кампари? Или, как мы, грубые янки, виски жажнете?

– Немного виски со льдом, благодарю вас.

– Забегая вперед, хочу вас обрадовать: Жиго договорился с кубинцами и напрямую покупает у них самые роскошные сигары, так что я обещаю вам двадцать минут блаженства после кофе.

– Сегодня придется сократить, – ответил комиссар, – в связи с делом Грацио у меня совершенно нет времени, каждая минута на счету.

Он тактично пригласил Джона Хофа к делу, тот был смекалист, к беседе всегда готовился тщательно.

– На нас часто обижаются, – заметил Хоф, – за излишний практицизм... Между прочим, именно из-за этого наш государственный департамент проиграл Франца Йозефа Штрауса; мне рассказывали, как баварский фюрер жаловался друзьям: «Они высокомерны, эти янки, смотрят на часы, прерывают беседу, ссылаются на занятость, никакого такта...» Как представитель крестьянского изначалия, он никогда не простит этой нашей прагматичной, действительно весьма специфической манеры поведения...

– Мы, швицы¹⁰, нация банкиров и лыжников, – ответил комиссар, – и те, и другие в ладу с понятием «время».

Джон Хоф рассмеялся.

– Вы меня прямо-таки толкаете коленом под зад, комиссар Матэн... Хорошо, я готов... Утром у меня было три разговора с Нью-Йорком и Вашингтоном, звонили люди, так или иначе связанные с Леопольдо Грацио... Они потрясены случившимся. Их, понятно, интересуют все обстоятельства трагедии... Сейчас, как вы понимаете, те, кто был с Грацио на ножах, распусят слух о банкротстве и все такое прочее, может начаться паника, он ведь не только строил

---

¹⁰ Так с юмором называют себя иногда швейцарцы.

электростанции и мосты, играл на бирже и вкладывал деньги в рискованные предприятия, он еще давал займы целому ряду режимов, особенно в Латинской Америке... Что, по-вашему, могло привести его к столь страшному решению?

Комиссар понял, что Хофу угодно выслушать объяснения версии самоубийства; он сразу же отметил, что американца устраивает именно эта версия. «А почему? – спросил он себя. – Или Хоф хитрит? Он же хитер как дьявол».

– Поскольку наши разговоры, как обычно, весьма доверительны, мистер Хоф, я позволю себе заметить, что у нас не все разделяют версию самоубийства Грацио...

Джон Хоф откинулся на спинку красного плюшевого кресла.

– Не может быть! Кто же убил в таком случае? Нет, нет, вряд ли. Он не занимался нефтью и не поддерживал Израиль... Куба? Чья-то ревность к диктатору Гариваса полковнику Санчесу? Мафия?

– На главный вопрос «кому это выгодно?» я пока не могу ответить.

– Кто ведет следствие?

– Инспектор Шор...

– О, это, как я слышал, ваш главный ас...

– Верно.

– И он всерьез полагает вмешательство какой-то неведомой силы в эту трагедию? Я еще не слышал о такого рода версии. В прессе пока не было?

– Шор не любит прессу, он привык работать в тишине... Олень действительно был великолепен...

– Я рад... Пьер Жиго вымачивает мясо – хотя бы три-пять часов – в очень терпком вине, кажется, он предпочитает португальские, там есть совершенно черные вина, рот вяжет... Хм... Вы меня озадачили... Если такого рода версия появится в печати, это может позволить левым начать очередную кампанию против банкиров – и ваших, и наших, – но, поскольку, как мне объяснили друзья, последние годы Грацио ориентировался на европейский бизнес, кампания обрушится на головы бедных дедушек с Уолл-стрит...

– Ваши предложения?

Хоф отпил вина, пожал плечами.

– Идеально, если бы вы смогли удержать прессу – хотя бы в ближайшую неделю – на той версии, которая сформулирована в выпусках вечерних газет...

– Почему именно неделю?

– Для того чтобы наши люди толком подготовились к объяснениям... Вы же знаете, чем кончается неконтролируемость *слуха*...

– У русских есть точное выражение: «На каждый рот не набросишь кашне». Где гарантия, что какой-нибудь журналист – а желающих уже есть – не опубликует свою версию в газете? Телевидение и радио можно в какой-то мере держать под контролем, а за газетами разве усмотришь?

– А кто этот «желающий» дать свою, оригинальную версию?

Поскольку комиссар Матэн держал акции трех нью-йоркских корпораций, швейцарской «Нестле» и западногерманской «БМВ», поскольку Хоф несколько раз – обычно после такого рода встреч – давал дельные советы, на какую компанию следует ставить в ближайшие недели, он ответил, чуть, впрочем, помедлив:

– Некая Кровс из Гамбурга.

Хоф пожал плечами.

– Это имя мне ничего не говорит.

«Пережал, – отметил Матэн, – надо было ответить спокойнее, а может, и вовсе не отвечать, просто-напросто пожать плечами. Он знает эту гамбургскую девку, нет сомнения...»

– Сегодня вечером или завтра поутру Шор сообщит мне результаты допросов весьма важных свидетелей... Потом, он что-то ищет на бирже, – Матэн усмехнулся и отдал Джону Хофу главную информацию. – Предупредите вашего коллегу по бизнесу Барри Дигона, чтобы он аккуратнее вел свои дела, его имя в журналистских кулуарах связывают с трагедией Грацио. (Запись телефонного разговора Мари Кровс с Бреннером и русским писателем Степановым он прочитал сегодня утром, отделом прослушивания фиксировались все разговоры, связанные с делом Грацио; имен Степанова и Бреннера тем не менее отдавать не стал.) А что касается поисков моего Шерлока Холмса, то я подскажу вам, в каком направлении он пойдет, мистер Хоф...

– Я убежден, что все будет идти, как и шло, – ответил Хоф. – То есть в нужном направлении... Я, со своей стороны, позвоню моим друзьям в столицу и Нью-Йорк... Возможно, у меня появятся небезынтересные новости; резервирую за собой право позвонить вам завтра... Кстати, если думаете, что интересовавшая вас «Энилайн корпорейшн» закачалась, побейтесь со мной об заклад. Помните нашу дискуссию на эту тему во время прошлой встречи?

– Я, как и вы, помню все, мистер Хоф. Благодарю за точность, – он снова усмехнулся, – за американский прагматизм, столь импонирующий представителям обленившегося Старого Света...

Вернувшись в свой офис, Джон Хоф трижды звонил в Нью-Йорк; ему отвечали руководитель страховой компании «Салливан», вице-директор «Бэнкинг корпорейшн» Уолт Грубер и президент «Кэмикл индастри» Настрик. Разговор касался дела Грацио; собеседники информировали Хофа, что в Штатах все громче звучат голоса, объясняющие кончину Грацио тем, что он был на грани банкротства, хотя умел это весьма мужественно и достойно скрывать; видимо, предстоит ревизия его активов; если так, то, значит, он пустил по миру огромное количество европейцев, вложивших свои средства в его дело; возможна паника на бирже.

После этого Хоф посетил Роберта Дауэра, представителя цюрихской биржи, выпил чашку кофе с испанским журналистом Хорхе Висенте, который исследовал конъюнктуру латиноамериканских рынков (нефть, бананы, какао-бобы и серебро), и лишь после этого, позвонив предварительно по телефону (конспирация и еще раз конспирация), отправился в посольство, попросив «аудиенцию» у советника по экономическим вопросам; под этой «крышей» сидел его второй заместитель Нольберт Кук, вел связи с наиболее серьезными газетчиками, аккредитованными и в столице Конфедерации, и при пресс-центре.

В посольстве Хоф сразу же поднялся в свой звукоизолированный кабинет.

Закончив запись беседы с комиссаром Матэном и журналистом Хорхе Висенте, отправив информацию в Центр, Джон Хоф приступил к изучению шифротелеграмм, полученных из Лэнгли за время его отсутствия; в посольстве он бывал четыре раза в неделю, на связи с Майклом Вэлшем сидел его первый заместитель Джозеф Буш, в экстренных случаях тот приезжал к шефу в офис или на квартиру – там тоже существовали комнаты, где можно было разговаривать, не опасаясь подслушивания.

«Джону Хофу. 10 часов 27 минут. Предпримите все возможные шаги для того, чтобы в местной прессе никто не подверг сомнению версию самоубийства Грацио.

Джордж Уайт».

«Джону Хофу. 12 часов 55 минут. Соответствует ли действительности информация, согласно которой инспектор полиции Шор готов выдвинуть обвинение против неизвестного (или неизвестных), лишившего жизни Леопольдо Грацио?

Уильям Аксель, отдел стратегических планирований».

«Джону Хофу. 17 часов 42 минуты. До начала операции “Коррида” осталось тринадцать дней. За это время – в случае если вы не сможете убедить инспектора Шора в нецелесообразности опровержения факта самоубийства – необходимо организовать кампанию в местной прессе, а также в прессе сопредельных стран, устроив “утечку информации” о том, что Леопольдо Грацио был убит по поручению левоэкстремистских элементов в правительстве полковника Мигеля Санчеса; предположительно, одним из этих людей был Массимо Куэнко, проходивший обучение в специальных лагерях для левых террористов. Фотография Массимо Куэнки отправлена, обеспечьте встречу курьера, рейс 42–14, компания “ТВА”. Советуем также связаться с представителем всемирного сионистского союза в Швейцарии Гербертом Буркхардом и через него оказать влияние на инспектора Шора. Версию Куэнки считать запасной, использовать в крайнем случае; все указания о том, как вывести Куэнку из операции, получите в надлежащий момент. В настоящее время он проживает в Вадуце в пансионе фрау Шольц под фамилией Питер Лонгер; пароль для встречи: “Дядя Герберт просил вас срочно отправить ему ваши последние фотографии, сделайте это, ибо старик очень хвор”. Отзыв: “Дядя Герберт поменял свои апартаменты и не удосужился прислать мне новый адрес”. После этого он выедет в Базель, где будет ждать встречи в ресторане “Цур голден кроне”, пароль для связи: “Милый Питер, вы же всегда обедаете в итальянских ресторанах, не следует менять привычки”. Отзыв: “Привычки существуют только для того, чтобы лишний раз убедиться в глубине своей главной привязанности”. Затем вы излагаете ему задачу, проработав заранее места, где он будет жить, рестораны, где он обязан питаться так, чтоб его запомнили; в дальнейшем никаких прямых контактов; выведение его из комбинации проведете после того, как он выполнит задание, на котором будет скомпрометирован; комбинацию планируйте сразу же после получения данного сообщения; основные узлы сообщите непосредственно мне.

Уильям Брайен».

«Джону Хофу. 18 часов 12 минут. Передайте дополнительную информацию о Мари Кровс, 1953 года рождения, место рождения Гамбург, отец – Ганс Иоганн Пикс, профессор экономики, журналист, оплачиваемый концерном Бельсмана, выступает в прессе под псевдонимом Жюль Вернье, постоянно проживает в Париже вместе со своей любовницей Гала Оф; мать – Элизабет Пикс, домохозяйка в Западном Берлине, Ам-Альтплац, 12, живет сепаратно от мужа, официально не разведены; брат – Ганс Пикс, студент Свободного университета в Западном Берлине, придерживается левоэкстремистских убеждений, употребляет марихуану, попытка подвести к нему людей, которые могли бы приучить к героину, с тем чтобы, используя это, повлиять в нужном аспекте на отца, успехом пока не увенчалась. Соберите информацию о русском журналисте Лыско в плане его компрометации по поводу сотрудничества с КГБ. Следует подготовить человека, который в случае необходимости дал бы показания о том, что Лыско платил ему деньги за развединформацию. Человек обязан быть высоконадежным, ибо, по нашим сведениям, Лыско никогда с КГБ не был связан, и всякое непродуманное заявление может быть использовано во вред нам.

Уильям Аксель, отдел стратегических планирований».

Закончив чтение шифровок, Джон Хоф усмехнулся; он взял за правило не подделываться под запросы Лэнгли, не подгонять полученную им информацию под линию, разработанную стратегами ЦРУ; он привык ошеломлять своих боссов; эту его самостоятельность тем не менее ценили; Майкл Вэлш как-то сказал: «В каждом серьезном учреждении должен быть свой “анфан террибль”; Хоф – именно такого рода шалун, но в его вздорной информации встречаются подчас зерна правды».

Хоф написал на бланке шифрованного сообщения: «Уильяму Акселю. 19 часов 57 минут. В здешней прессе – предположительно через интересующую вас Мари Кровс – может быть поднят вопрос о конфронтующем пересечении интересов концерна Барри Дигона и фирм, которые контролировал Грацио; если это так, следует срочно подготовить контрдоводы, которые я смогу через моих людей напечатать в ряде здешних газет. Приступаю к выполнению ваших указаний.

Джон Хоф».

Он знал, что эта телеграмма вызовет в Лэнгли бум.

И не ошибся; Майкл Вэлш сразу же позвонил Дигону, договорился о встрече; выслушав заместителя директора ЦРУ, старик, помолчав, ответил:

– Все теперь зависит от вас. Я отмоюсь, какие бы помои на меня ни вылили, я к этому привык; вопрос заключается в том, успеете ли вы привести к власти майора Лопеса? Если опоздаете, скандал будет громким, интересам Штатов может быть нанесен вполне чувствительный удар. Только в том случае, если Лопес обоснуется в президентском дворце (в намеченный срок, через тринадцать дней), я смогу заставить замолчать наших с вами противников, цена на какао-бобы позволит мне заинтересовать тех, кто ставил на Грацио, бедный, бедный, кто бы мог подумать...

Вэлш посмотрел на телефонную трубку с изумлением, не мог найти слов, чтобы заключить беседу, подумал: «И это про нас-то говорят как про костоломов, а?! Какая все-таки несправедливость! Мои люди выполняют то, что им предписано уставом и руководством, а Дигон одной рукой толкает человека в пропасть, а в другой держит цветы, чтобы возложить их на крышку гроба».

Глава 19

Директор ФБР еще раз перечитал запись телефонного разговора и спросил своего помощника, ведавшего наблюдением за высшими чиновниками администрации:

– Вы убеждены в том, что Майкл Вэлш крутит свой бизнес в Гаривасе без санкции босса?

– Этого я утверждать не могу. Я утверждаю лишь то, что он встречается с людьми с Уолл-стрит, соблюдая все законы конспирации. А от своих, если есть санкция босса, не конспирируют.

– Подождем, – подумав, заметил директор ФБР. – Умение ждать – это больше, чем наука или талант, это призвание... Конечно же оптимальным решением этого любопытного дела была бы организация прослушивания бесед Вэлша... Я понимаю, что мы не имеем права записывать его разговоры без санкции босса, но ведь можно продумать, как подкрасться к нему со стороны его собеседников...

– Вы дадите мне санкцию на прослушивание разговоров Барри Дигона? – Помощник директора ФБР улыбнулся. – Я стану считать этот день первым в новом временном отсчете...

– Посоветуйтесь с нашими финансистами, – заметил директор ФБР. – Из тех, кто контролирует банки и связан с оппозицией в конгрессе. Может, вам подскажут какую-то любопытную зацепку, связанную с вывозом капитала, или что-нибудь в этом духе... Может, у них есть что-то на людей Дигона, тогда мы получим право послушать дедушку... Мне нужен повод, малейший повод, ничего, кроме повода...

Глава 20

14.10.83

Майкл Вэлш обычно просыпался в шесть часов; несколько минут лежал, не открывая глаз, силясь вспомнить сон; он верил снам, и очень часто днем с ним случалось то, что виделось ночью; потом, если ночь была пусто-темная, полное отключение, он *собирался* перед началом дня, четко выделял основные задачи и только после этого поднимался с кушетки (спал в библиотеке, перед сном обычно читал, порой среди ночи вставал к столу, не хотел тревожить Магги, она спала очень чутко; перебирался в комнату жены только на уик-энд, когда позволял себе роскошь отключать телефон или, того лучше, уезжать с ней на ферму) и отправлялся на гимнастику. Он разминался недолго, радуясь тому, что наступил день; все те недели, что он на свой страх и риск *играл* в «Корриду», были до того тревожны и рискованны, что по вечерам он не находил себе места, мечтая, чтобы скорее прошла ночь и началась ежедневная круговерть, которая засасывала, убаюкивала, давала привычное ощущение надежности.

Во время гимнастики он все время слышал в себе самую музыку из фильма «Рокки», когда неистовый Сталлоне – ах, какой замечательный художник, как много Всевышний отпустил одному человеку: и режиссер, и актер, и драматург, да и боксер отменный – бежал по Филадельфии и возносился по ступеням храма Закона; его окружали болельщики, и он скакал, как молодой жеребец, а комментаторы так его и называли – «жеребец». «Все-таки странная мы нация, то, что у других, особенно в Испании или России, звучит как оскорбление, у нас вполне приложимо к настоящему мужчине».

Затем Вэлш принимал холодный душ и шел на кухню, это был самый любимый уголок дома: Магги уже приготовила овсянку на сливках, можно десять минут поболтать перед тем, как придет машина, выпить кофе, послушать сына. Дик по-настоящему увлечен нейрохирургией, будет толк; если с «Корридой» все пойдет так, как задумано, можно помочь ему с приобретением лицензии на клинику, огромное поле для эксперимента, своя рука – владыка. Люси убежала в школу первой; в этом году надо решать, в какой колледж стоит поступать, девочку интересует международное право, будь оно трижды неладно, права нет вообще, тем более международного, у кого больше силы, тот и победит, а эту победу, какой бы бесчестной она ни была, припудрят правоведа, им за это и платят деньги. «Как отвлечь ее от этой затеи? Говорить в лоб нельзя – грех топтать иллюзии молодости, все свое приходит в срок, да здравствует эволюция мысли, постепенность и еще раз постепенность; девочка имеет на это право, поскольку я принял на себя тяжелое бремя игры со временем, всякое убыстрение чревато, но и промедление тоже... Милый мой человечек, она уже собрала денег на первый курс, как-никак две тысячи долларов...»

(Действительно, Люси в прошлом году проработала месяц в универмаге упаковщицей, а потом помощником продавца в отделе детских игрушек; зимние каникулы поделила на две части: Рождество праздновала дома, а в оставшиеся дни нанялась мойщицей автомашин на бензозаправочной станции, платили хорошо, не скупясь.)

По дороге в Лэнгли, особенно когда машина вырывалась из города, Майкл Вэлш закуривал свою первую сигарету, тяжело затягиваясь; с невыразимым наслаждением ощущал сухой аромат «Лаки страйк», вот уж воистину солдатские сигареты, какая-то в них сокрыта надежность, право слово... Впервые он закурил эти сигареты, когда семнадцатилетним мальчишкой с войсками Паттона ворвался в маленький немецкий городок и увидел штабеля трупов – расстрелянные военнопленные, истощенные, одни кости; гримаса ужаса и одновременно избавления на лицах; воронье кружит, и белые тряпки на домах – «сдаемся»... Второй раз он закурил эти же сигареты – ими снабжали армию, – когда его подразделение захватило золотой запас «Третьего рейха»; приехали офицеры; мешки с золотом вскрывали, взвешивали каждый бру-

сок, упаковывали наново, шлепали сургучными печатями (запах чем-то напоминал ладан, у него был друг Иван Восторгов, вместе ходили в русскую церковь, с тех пор в памяти отложился этот особый, *загадочный* запах) и укладывали в «Студебекеры». Его поразил и обидел вид *товарного* золота; какая-то серятина, ничего романтического, дьявольского в этом металле не было, если не смотреть на страшное клеймо свастики. Только назавтра, когда колонна грузовиков ушла, Вэлш ощутил странное чувство. Это была не обида, нет, скорее недоумение или же ощущение несправедливости: они, солдаты, отбили это золото, выставили охрану, берегли как зеницу ока, как-никак военный трофей, а потом приехали молчаливые старики в форме, которая сидела на них, словно на корове седло, и, не поблагодарив даже за службу, не выдав ни цента премии, не поставив ни бутылки виски, увезли клад в неизвестном направлении, куку, мимо...

Когда он начал работать в Центральном разведывательном управлении, при Аллене Даллесе еще, ритм работы увлек его; он свято верил, что все исходящее из Лэнгли посвящено одному лишь: борьбе за демократию, за идеалы свободного мира, против красной тирании, которая методично, не останавливаясь ни на день, пульсируя, разрасталась, проникая во все регионы мира.

После того как Даллес заметил его (Вэлш был привлечен к разработке операции против Кастро на Плайя-Хирон, дело планировалось лично Даллесом, хотя он понимал, что Кеннеди возражать не станет, тем не менее он привык свои коронные операции замышлять и разрабатывать единолично), рост молодого разведчика стал стремительным. Когда Даллес после провала его операции вынужден был уйти, ибо Кастро – неожиданно для всех – легко и убедительно победил, борьба против интервентов оказалась воистину всенародной, надежда на выступление оппозиции не оправдалась, он рекомендовал Вэлша своему преемнику, директора могут (и должны) меняться, служба не имеет права на *прерывание*.

Вэлш перешел в тот сектор, который организовывал надежные «*крыши*» для «благотворительных фондов»; его личным детищем был фонд «Американские друзья Среднего Востока». Поначалу газетчики – в глубине души он восторгался ими, ненависти в нем не было, «пусть победит сильнейший», а он себя слабым не считает, состязание угодно прогрессу – получили информацию, что фонд финансирует Кэйлан, и это было правдой, нежелательной правдой, ибо люди знали, что еще со времен войны тот был богом финансов и проводил головоломные операции по финансированию акций ОСС¹¹ в Мадриде и Португалии, под боком у нацистов... Тогда-то он завязал довольно прочные связи в Северной Африке, оттуда с Ближним и Средним Востоком; был создан тайный пул – сообщество финансистов и промышленников, в основном из Техаса, которые заинтересованы в надежных контактах ЦРУ, рассчитывая получать точную информацию из первых рук. Лэнгли надежнее страховой компании, самой мощной; деньги потекли рекой, Вэлш легко платил, перекупая на корню редакторов газет, местных шейхов, вождей племен, генералов; скандал в прессе удалось замолчать; ему пришлось поработать над операцией «прикрытия», поднять все материалы; его подчиненные – он это поначалу чувствовал, потом лишь убедился в правоте своего ощущения – не хотели *отдавать* всего, кое-что берегли, утаивали, и не столько из корыстного интереса, такого рода данных Вэлш не сумел получить, не пойман – не вор, сколько из соображений оперативной целесообразности на будущее. Однако он подсчитал, какую прибыль извлекли из «фонда» три нефтяные компании Техаса, – более семидесяти миллионов долларов; эта сумма показалась Вэлшу астрономической, и тогда впервые родилась мысль: «А ведь вот на кого я работаю... Что означают мои скромные сто тысяч в год в сравнении с их десятками миллионов?!»

Потом, когда он стал начальником отдела и разрабатывал «вариант» под кодовым названием «Соло» («вариантов» было четыре), его был признан наиболее точным: завербованный

¹¹ Нынешнее ЦРУ.

среди ультраправых военных офицеров организует покушение на премьера Италии, документы о том, что он на самом деле тайный коммунист, сразу же уходят в газеты, купленные ЦРУ; скандал начинает разрастаться, начата кампания по «нагнетанию кризисной ситуации», обывателя пугают неотвратимостью коммунистического путча и военной интервенцией Москвы; после этого особые подразделения военной контрразведки арестовывают лидеров коммунистов и социалистов, к власти приходит правительство военных, игра сделана.

Когда план этот стал трещать – и не по вине Вэлша и его аппарата, но ввиду утечки информации в Риме, – пришлось еще раз провести срочную операцию «прикрытия»; было имитировано самоубийство полковника Рока, руководившего ключевым отделом военной разведки. Главный свидетель устранен, все, что будет потом, не важно.

Анализируя причины неудачи «Соло», Майкл Вэлш пришел к выводу, что свара американских финансистов, нацелившихся на итальянские рынки, столь очевидна, страсти так накалены – еще бы, в *игру* вложены огромные деньги, – дилеры на биржах так затаились перед началом «Соло», что провал можно было предполагать. И Вэлш второй раз подумал о несправедливости мира: победы он в Риме, никто об этом все равно не узнал бы, во всяком случае, в этом столетии, да и личного выигрыша нет, в то время как банки Уоллстрит положили бы в свои сейфы сотни миллионов долларов.

И когда ему удалось одержать победу в Греции и привести к власти «черных полковников», Вэлш впервые намекнул директору «Бэнк интернэшнл», который передал в «Фонд свободы и спокойствия Средиземноморья» триста тысяч долларов перед началом операции в Афинах, что «люди моего аппарата должны быть заинтересованы в конечных результатах своего рискованного и благородного труда».

Его поняли и передали чек на сто тысяч долларов для того, чтобы «мистер Вэлш смог отметить наиболее достойных рыцарей разведки».

Во время подготовки операции в Биафре Вэлшу подсказали, куда следовало вложить деньги, какие фирмы могут получить прямой профит от успеха внешнеполитической операции США, планируемой ЦРУ; он купил акции на пятьдесят тысяч долларов; прибыль оказалась, по его масштабам, громадной – почти сорок процентов.

Однако при разработке комбинации, когда компьютеры исследовали все заготовленные «варианты», он убедился, что его прибыль смехотворно мала, ибо те фирмы, которые ему даже не были названы, получили семьсот двадцать четыре процента прибыли. Именно тогда он и пришел к мысли (ворочалась она в нем еще со времен «Соло»), что ставить на одну силу нецелесообразно, надо играть. Рискованно? Бесспорно. Но кто выигрывает, не рискуя? Перераспределение доходов не санкционировано законом, тем не менее им же, законом, и не запрещено, а понятие «взятка» к людям, поднявшимся на верхние этажи власти в Лэнгли, неприложимо, честь мундира превыше всего.

...Он приехал в Лэнгли ровно к девяти, сразу же попросил секретаря приготовить кофе, осведомился, как здоровье его сына, – мальчик температурил уже вторую неделю, хотя был весел, подвижен и не жаловался на боли; пообещал устроить консультацию у профессора Рэбина – великолепный педиатр, любит детей, но не сюсюкает с ними и совершенно не старается угодить родителям, потому-то и ставит великолепные по своей точности диагнозы, – устроился на диване и начал просматривать срочную информацию, пришедшую за ночь.

Московская резидентура не сообщала ничего интересного; после того как люди КГБ разоблачили наиболее ценного агента Трианона, оттуда шли *слухи*, сколько-нибудь серьезной информации не поступало. Довольно любопытные новости передавал резидент в Каире, надо бы сразу отправить телеграмму в Тель-Авив, перепроверить, возможна комбинация, вполне перспективная. Сообщения из Центральной Европы он проанализировал особо тщательно, главным образом информацию из Ниццы, Берна и Палермо, посвященную, казалось бы, событиям, не имеющим сколько-нибудь серьезного значения: реакция на гибель Леопольдо Грацио

и подробный отчет о передвижении людей, завязанных на окружении крупнейшего кинопродюсера и бизнесмена дона Валлоне.

После этого он позвонил в шифроуправление, спросил, отчего нет новой информации о Гаривасе, пригласил к себе начальника сектора, ведавшего разработкой данных по биржам, обсудил с ним *вероятия*, допустимые в связи с ухудшением обстановки на ирано-иракской границе, забастовками в Чили и экономическими трудностями Гариваса, вызванными тем, что приостановлена реализация энергопроекта, задуманного полковником Санчесом; на ленч он пригласил одного из руководителей отдела валютного управления по контролю за иностранным капиталом, порекомендовал ему (сугубо доверительно) немедленно потребовать ареста активов Грацио, поскольку вполне проверенные источники полагают, что он обанкротился, в этом-то и причина самоубийства, а уж после, вернувшись в кабинет, снял трубку телефона, который связывал его с директором, и, заранее *прокрутив* предстоящий разговор (исходя из анализа психологического портрета своего шефа), сказал, затыгиваясь сладкой, сделанной на меду «Лаки страйк»:

– Я все-таки решил попробовать несколько вариантов с Гаривасом... Ситуация такова, что мы, не рискуя многим, можем получить все.

Он так сформулировал эту фразу, она казалась ему такой литой и неразрываемой, что, думал Вэлш, ответ шефа будет однозначным, ему ничего не останется, как сказать «да».

Однако же директор ответил не сразу, спросил почему-то, нет ли тяжести в висках у Вэлша, синоптики грозят резким падением барометра, порекомендовал постоянно пить сок тутовника, а еще лучше – есть натошак эти диковинные черные ягоды, «разжижает кровь»; поинтересовался, не видел ли Майкл новую ленту Фрэнсиса Копполы, «чертовски талантлив, бьет по больным местам, честь ему за это и хвала», и только потом лениво и безо всякого интереса сказал:

– А что касается «вариантов», то думайте... Составьте записку на мое имя, пусть будет под рукой, я при случае посмотрю...

– Упустим время... Без вашей санкции все будут оглядываться, ждать вашего слова...

– Так-то уж вы все и ждете моего слова, – рассмеялся директор, – так уж я вам и поверил...

На этом разговор кончился, и тон его показался Вэлшу странным.

Он довольно долго *прослушивал* каждое слово директора, включив автоматическую запись разговора (все разговоры, даже по внутреннему телефону, записываются), не нашел чего-либо угрожающего ему, но все равно какой-то осадок остался на душе, и он погрузился в работу, которая лишь и приносила успокоение.

Глава 21

14.10.83

В библиотеке Сорбонны было тихо и пусто еще; Степанов устроился возле окна; работал со справочниками и подшивками газет упоенно; страсть к документу – пожирающая страсть; если она по-настоящему захватила человека, тогда получается книга под названием «История Пугачева» и одновременно «Капитанская дочка». Но Пушкин был только один раз, больше не будет, никто с той поры не смог так понять документ, как он, подумал Степанов, такие, как Александр Сергеевич, рождаются раз в тысячелетие. Он предупреждал власть, когда писан «Пугачева», но требуется умная власть, чтобы понять тревожное предчувствие гения, а откуда ей было взяться тогда в России...

Степанов копался в справочниках по американским корпорациям; британская школа аналогов казалась ему интересной и не до конца еще понятой современниками.

Отчего, думал Степанов, и Мари Кровс словесно, и несколько провинциальных американских газет в статьях, с разных сторон, исходя из разных, видимо, посылов, *трогают* имя Дигона именно в связи с Гаривасом?

Он искал и нашел в старых документах *дело* Чарлза Уилсона, министра обороны в кабинете Эйзенхауэра. Именно он, доверенный человек группы Моргана, один из блистательных президентов «Дженерал моторс», резко сломал свой прежний курс, выступил за ограничение гонки вооружений, обвинил в политической слепоте своих коллег по правительству, а затем подал в отставку.

Подоплека неожиданной смены ориентиров стала понятной значительно позже – это была одна из форм скрытой драки за власть в Вашингтоне между империями Морганов и Рокфеллеров. Если человек Моргана настаивает на необходимости «мирных переговоров» с русскими, на развитии с ними добрых отношений, на прекращении военного психоза, значит, по логике вещей, именно Морганы лучше всего чувствуют настроение народа, значит, им и надлежит получить ключевые позиции в администрации; ничто «просто так» за океаном не делается, за всем, коли поискать, сокрыт глубокий и тайный смысл.

Степанов нашел документы и об одном из лидеров республиканцев Гарольде Стассене. Связанный с тем же Морганом, именно он, Стассен, начал в свое время громкую кампанию против братьев Даллес – государственного секретаря Джона и директора ЦРУ Аллена. В подоплеке этого скандала, в который были втянуты крупнейшие политики и журналисты, была та же схватка Морганов с Рокфеллерами.

Но это драка на Уолл-стрит. А существует глубинное могучее противоборство банкиров Юга и Среднего Запада против твердынь банковского Нью-Йорка. Группа Джанини требует поворота Вашингтона к Латинской Америке за счет западноевропейской активности. Отчего? Видимо, банки Юга и Среднего Запада не успели закрепиться в Западной Европе, им необходим новый рынок, Латинская Америка и Азия, они хотят получить свой профит, они готовы к сражению против «старых монстров» с Уолл-стрит, которые захватили все, что можно было захватить, и в этой их борьбе со старцами заручились поддержкой и генерала Макарура, и могучего сенатора Тафта.

«Дигона выталкивают на первый план, – подумал Степанов, – именно так; слишком уж выставляют напоказ. Кому это выгодно? Поди найди; не найдешь, старина, такое становится ясным после того лишь, как закончено дело, когда оно стало историей».

Степанов отчего-то вспомнил, как Гёте объяснял пейзажи Рубенса. Его собеседники верили, что такая красота может быть написана только с натуры, а великий немец посмеивался и пожимал плечами; такие законченные картины, возражал он, в природе не встречаются, все это плод воображения художника. Рубенс обладал феноменальной памятью, он природу носил

в себе, и любая ее подробность была к услугам его кисти, только потому и возникла эта правдивость деталей и целого; нынешним художникам недостает поэтического чувствования мира...

«Имею ли я право в данном конкретном случае с Лыско, который отчего-то – так, во всяком случае, утверждает Мари Кровс – поднял голос против дигонов, *вообразить* возможность некой коллизии, в которой до конца не уверен, ибо не имею под рукой фактов? Наверное, нет. Я ведь не пейзаж пишу, – подумал Степанов, – я пытаюсь выстроить концепцию, отчего произошло все то, что так занимает меня, и чем дальше, тем больше».

Он хмыкнул: ничто так не обостряет и страдания и одновременно высшие наслаждения, как активная работа ума, будь она трижды неладна; хорошо быть кабаном – пожрал, поспал, полюбил кабаниху, вот тебе и вся недолга...

Глава 22

14.10.83 (9 часов 05 минут)

Инспектор Шор подвинул фрау Дорн, секретарю покойного Грацио, чашку кофе.

– Я заварил вам покрепче... Хотите молока?

– Нет, спасибо, я пью без молока.

– С сахарином?

– Мне не надо худеть, – сухо, как-то заученно ответила женщина.

– Тогда погодите, я поищу где-нибудь сахар...

– Не надо, инспектор, я пью горький кофе.

– Фрау Дорн, я пригласил вас для доверительной беседы... Однако в том случае, если в ваших ответах появится то, что может помочь расследованию, я буду вынужден записать ваши слова на пленку. Я предупрежу об этом заранее. Вы согласны?

– Да.

– Пожалуйста, постарайтесь по возможности подробно воспроизвести ваш последний разговор с Грацио.

Женщина открыла плоскую сумочку крокодиловой кожи («Франков триста, не меньше, – отметил Шор, – а то и четыреста»), достала сигареты, закурила; тонкие холеные пальцы ее чуть подрагивали.

– Он позвонил мне что-то около одиннадцати и попросил срочно, первым же рейсом вылететь в Цюрих, там меня встретят, ему нужна моя помощь, прибывают люди из-за океана, беседа будет крайне важной... Вот, собственно, и все.

– Какие люди должны были прилететь из-за океана?

– Кажется, он упомянул «Юнайтед фрут», но я могу ошибиться.

– Спасибо, дальше, пожалуйста...

– Это все.

«Это не все, – отметил Шор, – разговор-то продолжался более семи минут».

– Как вам показался его голос?

– Обычный голос... Его голос... Только, может быть, чуть более усталый, чем обычно...

Господин Грацио очень уставал последние месяцы...

– Жаловался на недомогание?

– Нет... Он был крайне скрытен... Как-то раз сказал, что у него участились сердцебиения накануне резкой перемены погоды... Но потом врачи провели курс югославского компламина – и ему стало значительно легче...

– Он не жаловался на здоровье во время последней встречи?

– Нет.

– Следовательно, попросил вас прилететь утренним рейсом, и на этом ваш разговор закончился?

– Да.

– Вы живете одна?

– С мамой.

– А кто подошел к телефону, когда он позвонил вам? Матушка или вы?

– Я, конечно. Мама рано ложится спать.

– Фрау Дорн, я вынужден включить диктофон и попросить вас воспроизвести разговор с мистером Грацио еще раз.

– Пожалуйста... «Добрый вечер, дорогая...» Нет, нет, мы никогда не были близки, – словно бы угадав возможный вопрос Шора, заметила женщина, – просто господин Грацио был обходителен с теми, кому верил и с кем долго работал... «Не могли бы вы завтра первым рейсом

вылететь ко мне, вас встретят в аэропорту. Если вы захотите арендовать в “ависе” машину, счет будет, понятно, оплачен; прилетают люди из-за океана, предстоит сложная работа, пожалуйста, выручите меня...» Вот и все.

– А что вы ему ответили?

– Сказала, что сейчас же забронирую билет и прилечу с первым рейсом; на всякий случай, попросила я, пусть концерт вышлет машину; как я понимаю, за рулем будет Франц, я помню его «Ягуар»...

– Понятно... Спасибо, фрау Дорн, я выключаю запись... Расскажите, пожалуйста, когда вы начали работать с Грацио?

– Давно, инспектор... Лет семь назад.

– Каким образом вы к нему попали?

– Я пришла по объявлению... Выдержала конкурсный экзамен и начала работать в его банковской группе... Знаю итальянский и английский, выучила французский... Однажды пришлось стенографировать совещание наблюдательного совета, на котором были представители итальянских и американских фирм... Господину Грацио понравился мой итальянский, с тех пор я часто с ним работала...

– Вы стенографировали все важные совещания?

– Да. Особенно если собирались представители разноязычных стран...

– Господин Грацио приглашал вас когда-нибудь на ужин?

– Только с компанией.

– Вы знали его близких друзей?

– Как вам сказать... По-моему, близких друзей у него не было, инспектор. Я знаю, что он уезжал отдыхать – дней на пять, не больше – на свою яхту в Палермо... Там не бывал никто из его служащих... Он был со всеми очень добр и ровен... Нет, я не знаю его близких друзей.

– А какими были его отношения с господами Бланко и Уфером?

– Это его... Как бы сказать... Я не уверена, являлись ли они его компаньонами, но, мне кажется, он доверял этим людям и делал с ними серьезный бизнес.

– Какого рода?

– Господин Грацио никогда и никому не рассказывал о своем бизнесе, инспектор, это не принято.

– Вы хорошо знакомы с этими людьми?

– Нет. Поверхностно.

– Вы хорошо относились к покойному?

– Очень.

– Вы не хотите помочь мне в установлении истины?

Женщина снова закурила; пальцы ее не дрожали больше, но лицо было бледным и глаза тревожными.

– Я готова помогать во всем, инспектор.

– Меня интересует любая подробность, любое ваше соображение о случившемся...

Может быть, вас тяготит что-то, вы подозреваете кого-либо?

– Нет.

– Вы считаете, что у Грацио были веские причины уйти из жизни?

– У каждого человека есть своя тайна.

– Вы не замечали каких-либо аномалий в его поведении за последние недели или месяцы?

Женщина покачала головой, ничего не ответила.

– Вчера по телефону вы говорили, что все случившееся ужасно, что это невозможно, он так любил жизнь и все такое прочее... Господин Грацио был человеком настроения?

– Нет, он был человеком дела, там настроения невозможны...

– Почему господин Грацио мог решиться на такой страшный шаг, фрау Дорн?

– Я не знаю...

– Скажите, пожалуйста, на последних совещаниях вашего наблюдательного совета не было тревожных сигналов о близящемся банкротстве?

– Если бы эти разговоры и были, я не ответила бы вам, инспектор, потому что подписала обязательство не раскрывать секреты концерна в течение десяти лет после окончания работы...

– Я понимаю вас, фрау Дорн... Когда вы беседовали с господином Грацио перед его последним телефонным звонком?

– Это было... Мне кажется, дней восемь назад... Он звонил из...

– Откуда?

– Из Гариваса...

– И что же?

– Продиктовал памятку...

– Это секрет?

– Думаю, нет... О подробностях я вам говорить не стану, но касалась эта памятка – только для членов наблюдательного совета – энергопроекта для Гариваса...

– В ней не было ничего тревожного? Простите, но я вынужден поставить вопрос именно в такой плоскости, фрау Дорн.

– Нет, – чуть помедлив, ответила женщина. – Я бы сказала...

– Что? – подался вперед Шор. – Что бы вы хотели сказать?

– Я бы сказала, что тон памятки был вполне... оптимистичным...

– Вы можете предположить, что могло подвигнуть господина Грацио на самоубийство?

– У всякого человека есть своя тайна... Я уже сказала...

Шор откинулся на спинку кресла, бросил под язык мятную таблетку, потянулся и, нажав на одну из кнопок селектора, спросил:

– Что там с расшифровкой записи беседы? Готова?

– Да, – ответили ему.

– Очень хорошо. Прочитайте мне, пожалуйста...

– Да, но...

– Нет, она не услышит, я переведу разговор на трубку, читайте.

Он не смотрел на женщину, он смотрел в окно, где ее отражение было четким, и сразу же заметил, как она потянулась к сумке и нервно закурила.

Шор сидел словно каменный, только открывал и закрывал глаза, лицо его иногда сводило гримасой...

По прошествии нескольких томительных минут он сказал:

– Благодарю, Папиньон, молодец.

Положив трубку, Шор повернулся к фрау Дорн и усмехнулся, не разжимая рта.

– Вы все поняли?

– Не-ет...

– Фрау Дорн, вы читающий человек, у вас дома прекрасная библиотека, и большую ее часть составляет детективная литература, не надо лгать мне попусту... Поскольку я не очень-то верю в самоубийство вашего босса – говорю вам об этом доверительно, вы не вправе передавать мои слова кому бы то ни было, – мне пришлось взять под опеку и контроль всех тех, кто был близок к Грацио... От греха... В ваших же, кстати, интересах... Если Грацио действительно убили, то и вас шлепнут как муху... Ясно?! О чем вы говорили с тем человеком, который позвонил вам в отель в девять и пришел в десять вечера? Я хочу, чтобы вы это сказали на диктофон, потому что в противном случае я обращу записанную моим помощником беседу с этим человеком против вас! Вы утаиваете правду от следствия! Таким образом, вы покрываете тех, кто повинен в гибели Грацио! Ну, давайте!

– Я не знаю этого человека... Я не знаю, я ничего не понимаю. – Женщина заплакала. – Если тем более вам уже все известно.

– Повторяю, я не желаю вас позорить... Одно дело – вы сами рассказали мне все, а другое – если я вызову вас в суд в качестве человека, который скрывает правду! Говорите, фрау Дорн, можете говорить так, как вам представляется удобным сказать, я вправе представить следствию запись, но могу и не представлять, а передать ваши скорректированные показания.

– Я не знаю этого человека, – повторила женщина, – он позвонил и сказал, что ему необходимо увидеть меня по поручению господина Раффа...

– Кто это?

– Мой бывший шеф.

– Где он?

– Он вице-президент филиала «Кэмикл продакшнз» во Франкфурте.

– Дальше...

– Рафф никогда бы не стал тревожить меня попусту... Значит, что-то случилось...

– Дальше...

– Этот господин отрекомендовался его новым помощником; он сказал, что его зовут мистер Вакс... Говорил, что вокруг гибели господина Грацио начинается скандал... Втянуты темные силы... Словом, я не должна давать никаких показаний, чтобы не поставить в опасность жизнь мамы и мою...

– Дальше.

– Это все.

Шор покачал головой.

– Пожалуйста, подробнее, фрау Дорн.

– Но это все! – воскликнула женщина. – Вы же можете сверить с вашей записью!

– Помните телефон Раффа?

– Триста сорок четыре тринадцать семьдесят.

Шор посмотрел в телефонной книге код Франкфурта-на-Майне, набрал номер; ответила секретарь, как всегда, с улыбкой, поюще, заученно:

– «Кэмикл продакшнз», добрый день, чем я могу быть вам полезна?

– Тем, что соедините меня с господином Раффом.

– У господина Раффа сейчас переговоры, с кем я говорю?

– Я инспектор криминальной полиции Шор. Звоню по крайне срочному делу, связанному с гибелью Грацио.

– Не будете ли вы любезны подождать у аппарата?

– Мне ничего не остается делать, как ждать у аппарата, – пробурчал Шор.

В трубке щелкнуло, наступила громкая, слышимая тишина.

Прикрыв мембрану тонкой, девичьей ладошкой, Шор спросил:

– Этот самый мистер Вакс передал вам письмо от Раффа?

– Визитную карточку.

– Где она?

Женщина открыла сумочку, достала помаду, два листочка бумаги, плоскую коробочку пудры, визитную карточку, протянула ее Шору.

Тот взял визитку, хмыкнул, показал ее женщине – на глянцевой бумаге не было ни единой буквы.

– Поняли, отчего мы за вами смотрели? Это ж фокусы. Суют визитку, напечатанную таким образом, что шрифт сходит через пять-восемь часов...

Глаза женщины сделались до того испуганными, что Шору стало жаль ее.

«Сколько же вас с такими вот крокодиловыми сумочками садилось в мое кресло, – подумал он, – как все вы были поначалу неприступны, как точно следовали тому, чему вас научили

юристы, любовники, гадалки, сутенеры, мужья, черти, дьяволы, а я знал, что должен вырвать у вас признание, добиться правды, и я добивался ее, но как же мне было жаль вас всех, боже ты мой, кто бы знал, как мне было вас жаль...»

В трубке шелкнуло.

– Здесь Рафф. Слушаю вас, господин инспектор Шор.

– Я хочу вас предупредить, господин Рафф, что наш разговор записывается на диктофон, так что вы вправе отказаться от беседы со мной.

– Все зависит от ваших вопросов, господин инспектор Шор. В том случае, если они не будут меня устраивать, я свяжу вас с моими адвокатами, они станут отвечать за меня.

– У меня пока что единственный вопрос, господин Рафф: вы знаете фрау Дорн?

– Конечно! Она была моим секретарем... Что-нибудь случилось?

– К счастью, нет. Если позволите, второй вопрос, господин Рафф: в связи с чем вы направили мистера Вакса вчера вечером к фрау Дорн?

– Кого?

– Мистера Вакса. Он позвонил к фрау Дорн от вашего имени...

– Господин инспектор Шор, я не знаю человека с такой фамилией.

– Я благодарю вас за исчерпывающий ответ, господин Рафф, приношу свои извинения, до свидания...

Шор положил трубку, бросил под язык еще одну мятную таблетку и сказал:

– Вас проводит мой человек... Расплатитесь в своем отеле и сразу же улетайте домой... За вашей квартирой будут смотреть наши коллеги, живите спокойно, только перед тем, как мы попрощаемся, расскажите мне все, что вы знаете о последних днях Грацио... И передайте в точности последний разговор с ним, фрау Дорн... Грацио говорил с вами семь минут – нет, нет, ни его, ни тем более вас мы не подслушивали, не было оснований, просто счет на разговор с Франкфуртом отмечен как семиминутный... Я выключаю диктофон и даю слово не ссылаться на вашу информацию при допросах тех людей, которые, так или иначе, входили в окружение покойного...

После того как фрау Дорн увезли, Шор пригласил Папи-ньона и, посмеиваясь, заметил:

– Ну, что я тебе говорил? Она обязана была клюнуть на удочку и клюнула. Запомни, с умной женщиной можно бороться только одним – жесткой логикой. Из нашего с тобой разговора она поняла, что нам известно о вчерашнем визитере; мы вовремя успели выяснить про ее франкфуртские связи, про маму и библиотеку детективов. Эрго: она, как и все читающие Флеминга, считает, что у полиции денег куры не клюют и мы записываем все беседы в отелях, бардаках и даже в телефонных будках. Остальное – дело техники; ненавистные мятные таблетки, гримаса гнева и чуть повышенный голос... Но кто-то крепко вертит все это дело, Папи-ньон... Такого рода визитки, – он кивнул на глянцевый листок бумаги, – мелкие шулеры не делают, этим занимаются, мой милый, тайные типографии могучих разведывательных институций... Возьми на анализ и запроси Интерпол, не было ли зафиксировано такого рода фокусов у мафиози... И пригласи на допросы всех тех, кого она только что упомянула... В первую очередь эту самую Мари Кровс, журналистку... А я попробую выпросить у комиссара Матэна десяток хороших сыщиков, чтобы они последили за теми, кого она назвала... И последнее... Она сказала про какого-то русского журналиста, с которым у него была обговорена встреча... – Шор пролистал записную книжку Грацио. – Ты можешь разобрать его почерк? – Он подвинул книжку Папиньону. – Лисо? Лиско? Узнай к вечеру, кто этот человек, о'кей?

В два часа дня Папиньон передал копию записи допроса фрау Дорн быстрому холодноглазому Паулю Заборски, наиболее доверенному контакту резидентуры ЦРУ в Берне.

В три часа Джон Хоф отправил шифротелеграмму Майклу Вэлшу.

Ответ из Лэнгли пришел незамедлительно: «Предпримите все меры, чтобы Шор был отстранен от расследования хотя бы на ближайшие пять дней. Поручите Папиньону производ-

ство обыска на квартире Лыско – неожиданно для Шора – в тот момент, когда получите наше на то указание. Майкл Вэлш».

Глава 23

Из бюллетеня пресс-центра:

«Как стало известно, группа финансистов Уолл-стрит вошла с интерpellацией в верховный суд с требованием немедленного ареста всех активов покойного Леопольдо Грацио, так как предположительно он покончил с собой в связи с надвигающимся банкротством.

Поскольку Грацио в последнее время, как утверждают чиновники банковских корпораций, предпринял ряд весьма рискованных операций, финансировал гигантские проекты в развивающихся странах, поддерживал прогрессивный режим в Гаривасе, скупал акции на биржах Гонконга, Чикаго и Франкфурга, его положение резко пошатнулось, он выбрал для себя самый легкий путь, чтобы уйти от ответственности.

В случае если решение об аресте активов покойного Леопольдо Грацио войдет в законную силу, предполагается ревизия всех его бумаг.

Однако уже сегодня активы Грацио находятся под подозрением и цена на его акции катастрофически падает; если день назад он был тайным банкротом, то сегодня стал банкротом явным. Если же он не был банкротом, то его им сделали самим фактом такого рода открытой, широко рекламируемой интерpellации».

Глава 24

Ретроспектива II

(шесть месяцев назад, лето 83-го)

Заместитель директора ЦРУ Майкл Вэлш мельком глянул на большие часы, показывавшие местное, вашингтонское время; до встречи с Дигоном оставалось еще четыре часа; вертолет идет в Нью-Йорк сорок семь минут; времени хватает, можно и нужно прочитать последние сводки из пограничных с Гаривасом государств; особенно интересно работает резидент в Паме, совсем еще молодой Юджин Пат; к разговору с Дигоном следует хорошо подготовиться.

В 14 часов 45 минут Пат сообщил: «Предстоящая конференция в Гаване понудила меня предпринять ряд срочных мер, особенно после того, как я получил информацию, что официальный представитель нынешнего режима Гариваса примет участие в ее работе в качестве наблюдателя. Агент Сидней, работающий на телевидении, имеет ряд материалов, компрометирующих полковника Мигеля Санчеса. Эти материалы были переданы мне ЮСИА¹², но не выдерживали никакой критики в силу их прямолинейности и недоказанности обвинений, выдвинутых против лидера. Я подключил к переработке материалов моего агента из газеты “Эпока”; ныне “тайные связи” полковника Санчеса с режимом Кастро кажутся вполне правдоподобными; хорошо прозвучит история о том, как Санчес не пожелал спасти своего друга во время охоты на акул в заливе и его друг (профессор Мориета) погиб в пасти хищника; есть также показания девушки, обвиняющей полковника Санчеса в покушении на ее добродетель. Я предложил тогда добавить еще один эпизод: агентура, работающая в среде левых профсоюзов, организовала материал о том, что некий Мигель Санчес из Гариваса еще девять лет назад ездил в Прагу и Улан-Батор на средства, не заявленные финансово-контрольным органам; следовательно, эти средства не что иное, как деньги КГБ или ЦРУ, хотя я порекомендовал допустить версию “кубинской черной валюты”. Послезавтра появится заявление “Конфедерации демократических граждан Памы”, в котором будет превозноситься предстоящая конференция, в резких выражениях “заклеймят” американский империализм и колониализм, предпринимаящий все возможное, чтобы “задушить” прогрессивные режимы Латинской Америки; после этого наша агентура напечатает сообщение о том, что “Конфедерация демократических граждан” есть не что иное, как запасная штаб-квартира компартии, и именно отсюда исходят все приказы на проведение забастовок в Паме, разрушающих и без того ослабленную экономику страны».

В 15 часов 05 минут Юджин Пат передал:

«Мой агент, работающий ныне в посольстве Гариваса, во время конспиративной встречи, состоявшейся только что, сообщил, что начальник генерального штаба полковник Ди-ас, весьма близкий к премьеру Мигелю Санчесу, находится в крайне натянутых отношениях с министром обороны майором Лопесом. Предполагают, что это происходит оттого, что в новом кабинете не все верят Лопесу, получившему образование в Вест-Пойнте, хотя министр иностранных дел режима полковника Санчеса, доктор Малунде, выпускник Гарварда, стоит тем не менее на позициях, приближающихся к крайне левым. Пока что Санчес сохраняет видимость единства кабинета, но я предполагаю начать в здешней прессе кампанию против начальника генерального штаба Диаса, обвинив его в тайных связях с “американским империализмом” и в заговоре против полковника Санчеса из опасения, что “чрезмерный либерализм гаривасского лидера может ввергнуть республику в пучину гражданской войны”.

Представилась возможность выйти на один из контактов майора Лопеса, связанных с его операциями по перекупке на фиктивные имена плантаций какао-бобов, однако контакт тре-

¹² Информационное агентство США.

бует пятьдесят тысяч долларов в качестве аванса, объясняя это условие крайним риском всей операции. Он полагает, что информация, которой он снабдит нас, позволит провести конспиративную встречу с майором Лопесом и установить с ним деловые отношения. Жду указаний».

Майкл Вэлш пожал плечами, откинулся на спинку кресла, легко взбросил ноги на крайшек стола, сладостно закурил и нажал на кнопку селектора.

– Пожалуйста, передайте в шифровальный отдел, что я согласен с предложением Пата, мы переведем ему десять тысяч баксов – десять, а не пятьдесят – сегодня же. Это первое. Теперь второе: я вылетаю через пятнадцать минут, сообщите в Нью-Йорк, в наше бюро. И третье: меня интересуют имена всех людей, которые соприкасались с министром обороны Гариваса майором Лопесом в ту пору, когда он учился у нас в Вест-Пойнте. Это все. Я вернусь к одиннадцати. Если что-нибудь срочное, звоните мне за город, я лягу спать поздно, осталось много незавершенной работы.

В шесть часов вертолет Майкла Вэлша приземлился на плоской крыше небоскреба, где располагался среди прочих контор, банков, директоратов филиал акционерного общества «Гонконг – Лос-Анджелес трэйд ассошиэйшн лимитед». Под такой «крышей» помещался конспиративный центр ЦРУ, сориентированный на работу по странам Центральной Америки и островам Карибского бассейна.

...Дигон приехал в подземный гараж; там его машина была погружена в автолифт и поднята на семьдесят девятый этаж; возле лифта его встретил Вэлш, осведомился о здоровье, рассказал новый анекдот о президенте Рейгане; посетовал на постоянные глупости, которые творит администрация «старого артиста», пожурил государственный департамент: совершенно запутались, никакого курса, отдали право политических решений Белому дому, забвение уроков Джона Фостера Даллеса; о, времена, о, нравы; конечно же Кремль стрижет дивиденды с такого рода глупости; мы одни пытаемся что-то делать, но все эти высылки из Европы русских дипломатов – с нашей подачи – вряд ли возымеют сколько-нибудь продолжительное действие, нет, пришла пора кардинальных решений, от слов надо переходить к реальному делу, иначе мы потеряем все то, что с таким трудом наработали...

– Верно, – согласился Дигон, когда они остались одни в большом зале с голыми стенами, в которые были вмонтированы карты важнейших регионов Центральной Америки, они начинали светиться после легкого прикосновения к пульту, установленному на письменном столе, за который сел Майкл Вэлш, пригласив собеседника устроиться рядом с собой в удобном мягком кресле.

– Отсюда вам будет сподручнее знакомиться с нашими материалами, мистер Дигон, – сказал Вэлш. – Я усадил вас в кресло директора, а он любит комфорт.

– Готов поступиться комфортом во имя надежности, – заметил Дигон. – Если бы ваш директор и наш президент руководствовались такого рода постулатом, думаю, американцам жилось бы спокойно и счастливо. Как у вас со временем, мистер Вэлш?

– Я должен вернуться в Вашингтон не позднее десяти тридцати, в Европе напряженное положение, шифровки из наших резидентур приходят каждые три минуты; хотя бы пятую часть, увы, приходится читать...

– Тогда я сформулирую предмет нашего интереса как можно жестче...

– Я в курсе, мистер Дигон.

– Нет, мистер Вэлш, вы в курсе того, о чем вас проинформировали мои помощники... Я им доверяю и люблю их, но они – это они, а я – это я. Дело в том, что Гаривас меня интересует не только потому, что я не хочу, как и всякий патриот Штатов, повторения Кубы или Никарагуа, но и оттого, что я принципиально озабочен деятельностью Леопольдо Грацио. Именно поэтому я и попросил моих людей устроить нам встречу.

– Но они ничего не сказали мне о Леопольдо Грацио. – Вэлш удивленно пожал плечами и полез за своими «Лаки страйк». – Я понял их так, что объектом вашего интереса являются

плантации бобов какао в Гаривасе, мера стабильности нынешнего режима, угроза национализации или социализации, персоналии, которые могут оказаться полезны вашему предприятию... Я понял ваших коллег именно таким образом.

Дигон улыбнулся.

– Я же сказал вам: они – это они, а я – это я... Убежден, что телефонные разговоры моей корпорации фиксируются аппаратом ФБР, отсюда вполне возможна утечка информации, она, впрочем, возможна, увы, и в моем штабе... Поэтому главное я открываю вам. Одному. И никому более.

Вэлш нажал на одну из кнопок пульта; пророкотал низкий бас из двух динамиков, укрепленных где-то под потолком:

– Центральный пункт информации слушает.

– Меня интересуют данные по Леопольдо Грацио, финансисту.

– Центральный пункт информации настаивает на том, чтобы вы назвали свой пароль и номер удостоверения.

– Тридцать восемь – восемьдесят семь, номер карточки девять тысяч один, дробь Кей-Дабл-ю.

– Благодарю вас, – пророкотал низкий бас, и на стене как раз напротив кресла, где расположился Дигон, появилось изображение Леопольдо Грацио: высокий, чуть располневший мужчина с белозубой улыбкой, в строгом черном костюме. – Приблизительная стоимость акций, скупленных его фирмами в последние месяцы, – начал рокотать бас еще в более низком регистре, – исчисляется в сто семьдесят миллионов долларов; близок к концерну Блика, владеет контрольным пакетом акций в фирме «Грацио корпорейшн», стоимость которых равна двумстам сорока миллионам долларов; особая активность его представителей зафиксирована за последние месяцы в Гаривасе, Бразилии и Эквадоре. Объект интереса в Бразилии – акции «Фольксвагена», в Эквадоре – игра на понижение акций компании ИТТ, в Гаривасе он поставил на какао-бобы, скупая акции «Фрут компани» на биржах Женева, Гонконга, Амстердама и Франкфурта. Имел две беседы с премьер-министром Гариваса полковником Мигелем Санчесом, предложил заем в сто миллионов долларов для реализации проекта единой энергосистемы в стране после того, как какао-бобы завоюют мировой рынок. Концерн Грацио проявляет серьезный интерес к энергетическому бизнесу, владеет семнадцатью процентами акций в «Электрисите женераль» и семью процентами «Электришегезельшафт ам Майн». Грацио имеет надежные связи с руководителями профсоюзов работников электростанций Федеративной Республики Германии, Бельгии, Дании и Испании, которые, в свою очередь, постоянно контактируют с министрами экономики соответствующих государств. Таким образом, в случае если Грацио разместит заем в Гаривасе и правительство полковника Санчеса подпишет с ним договор, интересам Соединенных Штатов может быть нанесен определенный ущерб, поскольку ключевые посты по связям с экономикой Гариваса перейдут в руки центристских, а возможно, и социалистических (Испания, Франция) правительств Европы.

Рокочущий бас продолжал выдавать бесстрастную информацию:

– Оперативные данные о Леопольдо Грацио: весьма скромнен во время публичных выступлений, порочен до определенной меры, к гомосексуализму, группенсексу не склонен, имеет двух любовниц: Мадлен Роша в Париже, рю Тильзит, семь, и Анжелику Фор, Бад-Годесберг-Лисем, Колленхоф, два; по прежним итальянским законам не имел права на развод, платит жене Анжелике фон Варецки, с которой не живет уже двенадцать лет, сорок пять тысяч долларов на содержание, к азартным играм непристрасчен, упрям в достижении цели, внутренне одинок, ценит ласку, к попытке подвести к нему нашего агента Муар отнесся подозрительно, в прошлом поддерживал деловые связи с представителями марсельской и палермской мафии через некоего Гастона, предположительно Яна Гломбу, проживавшего в Мюнхене; его дилерами на бирже Цюриха являются Хуан Бланко и Бенджамин Уфер, сам он никогда в зале

бирж не появляется, во время кризисных ситуаций, как правило, находится на борту своего самолета, откуда держит постоянную связь с дилерами; из концернов США в связях с ним зафиксирована группа Моргана, однако попытка использования его в интересах концерна успехом не увенчалась; можно полагать, что он относится к числу финансистов «новой волны», которые полагают разумным развитие связей не только с представителями националистических режимов, выступающих с критикой нашей политики, но и с социалистическими странами, поскольку это, по словам гамбургской журналистки Мари Кровс, взявшей интервью у Грацио, «угодно европейской тенденции, а она весьма условно делима на “западную” и “восточную”, да и то чаще всего в идеологической сфере; что же касается экономики, то Европа не может не быть единым организмом...».

– Хватит, – сказал Дигон, – это самое важное. Что известно о его контактах с Кремлем? Вэлш снова закурил, вместо него пророкотал низкий бас:

– Зафиксирован факт переговоров фирмы «Петролеум индастри» с Внешторгбанком России по поводу совместного проекта; работа экспертов продолжается, Грацио имеет одиннадцать процентов акций «Петролеум».

– Пусть он теперь не слушает нас, – сказал Дигон Вач-шу, – поблагодарите его, и пусть отключится...

– Это автомат, – усмехнулся Вэлш, – робот, он не умеет реагировать на слово «благодарю», глядишь, ответит бранью... Что касается подслушивания, то гарантировать ничего не могу, мы находимся в оперативном центре, здесь каждое слово фиксируется, как в кабине реактивного бомбардировщика...

– Хорошо, тогда ответьте мне под вашу поганую запись: как долго вы намерены терпеть этого самого полковника Санчеса? Если нет, то существует ли у вас замена ему и опасно ли для моих и ваших интересов в пограничных с Гаривасом странах возможное развитие ситуации, сумеет Леопольдо Грацио закрепить там свои позиции?

– Существует девять вариантов, разработанных... – зарокотал было бас, но Вэлш живо нажал на одну из кнопок, и на втором экране, вмонтированном в стену, тревожно зажглись два слова: «Но ансвэр!» – «Не отвечать!»

– У нас есть кое-какие соображения, мистер Дигон, нас не может не тревожить политика полковника Санчеса, хотя пока нет реальных доказательств его связей с Кремлем или Кастро... Пожалуй, мы готовы будем помочь вам информацией, если вы решите поставить на здравомыслящие элементы в Гаривасе... В первую очередь я имею в виду майора Лопеса, министра обороны... Я солидарен с Карлом Марксом – лишь уповая на решение экономических проблем, мы сможем добиться угодных нам политических корректив...

– По поводу этого самого министра Лопеса тоже будет «Не отвечать!»? Или какими-то сведениями об этом парне вы можете поделиться?

– Мы им очень дорожим, мистер Дигон, поэтому я готов дать вам лишь строго дозированной информации. Если вы решитесь на прямой контакт с Лопесом и он пойдет на этот контакт, я открою вам то, что пока должно оставаться тайной Штатов.

– Спасибо, мистер Вэлш, я тронут вашей откровенностью, мне хотелось бы увидеться с вами после того, как я обговорю мои планы с майором Лопесом, не возражаете?

– Мои коллеги заинтересованы в этом не меньше вас, мистер Дигон, несмотря на то что это не затрагивает их финансовых интересов...

Дигон усмехнулся.

– А вы покупайте акции моей дочерней фирмы «Континента фуд индастри», именно она станет играть на понижение стоимости акций какао-бобов Гариваса... Тогда вы – в случае удачи предприятия – на вложенный доллар получите не меньше пяти. Спасибо за то, что нашли для старика время...

Глава 25

14.10.83 (17 часов 04 минуты)

Корреспондент провинциальной «Стар» Фрэнк По прилетел в Шёнёф в девять вечера, взял такси возле маленького аэропорта и попросил шофера отвезти его в Европейский пресс-центр.

Там он сразу же пошел в бар, надеясь увидеть кого-либо из знакомых; сейчас здесь шумели, пили, спорили, рассказывали анекдоты; это были в основном европейцы; один лишь американец – Фрэнк определил его по клетчатому пиджаку, узеньким брюкам и тяжелым черным полуботинкам (никто так не традиционен в фасоне одежды и обуви, как американцы, которым за пятьдесят) – сидел за стойкой и, быстро пролистывая страницы пресс-бюллетеней, пил лимонный сок птичьими, очень маленькими, жадными глотками.

К нему он и подошел.

– Я Фрэнк По из «Стар», можно, я сяду рядом?

– Я «сэр Все» из ниоткуда, – ответил американец. – Здесь не принято спрашивать разрешения, если свободно, садитесь, и все тут...

– Меня пригнали сюда, потому что коллега из Гамбурга, кажется, Мари Кровс, имеет какую-то информацию по делу шлепнувшегося миллионера из Палермо. Вы ее не видели?

– Видел. Она скоро вернется, куда-то уехала... Мечется все время, пытается опубликовать свои разоблачения, воюет против нашего агрессивного империализма, а беднягу никто не печатает... Как это все смешно, – вздохнул «сэр Все», – суета сует и всяческая суета... Вот, глядите, – он подвинул Фрэнку несколько страниц, – я передал в бюллетень пресс-центра свою подборку самой важной информации о том, что сотрясает сегодня мир. Однако и у нас здесь, как везде, во всем и всюду, сплошная тенденция... Вот, прочтите мое сообщение о том, что у нас изобретен препарат – тимолол, который уменьшает рабочую нагрузку на сердце и снижает смертность на сорок процентов. А ведь подсчитано, что в этом году от инфаркта у нас с вами на родине умрут миллион человек. Миллион, понимаете? Не умерли, а *умрут*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.